

АЛЕКСАНДР КУРЗАНЦЕВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ
ЗАВГАРА

Александр Олегович Курзанцев
Возвращение Завгара
Серия «Завгар», книга 3

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67411457

Аннотация

Тебя пытались убить, но ты выжил и теперь готов выступить в новой роли – как Завгар всеимперского масштаба.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	43
Глава 5	57
Глава 6	71
Глава 7	88
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Александр Олегович Курзанцев Возвращение Завгара

Глава 1

Проснулся я от ощущения, что на мне скачут.

Не то чтобы это было удивительно. Своим эльфийкам я позволял многое. Но предварительно они меня всё-таки будили.

Открыв глаза под ритмичные вдавливания в матрас, первым делом я увидел оседлавшие меня широкие бедра с задраным почти до талии белым халатиком. Потом узкую талию и крупную грудь этим халатиком едва прикрытую, слегка отклонившейся назад и запрокинувшей голову наездницы, хрипло постанывающей и ничего не замечающей вокруг.

Сверху халат был расстегнут тоже почти до пупка и я мог видеть мелкие бисеринки пота стекающие с шеи и скатывающиеся дальше вниз по ложбинке между грудей.

Странностей было две. Во первых это была не эльфийка. Более крепкое строение тела прямо на это указывало да и отсутствовал легкий зеленоватый оттенок кожи, присущий им. И во вторых белый цвет халата. У эльфиек он символи-

зировал вроде как чистоту, но и в то же время незнание. То есть предложить эльфийке одеться в белое, было всё равно что назвать её дурой. Еще белого цвета были робы осужденных за различные преступления.

Внезапно неизвестная, отняв правую руку от постели, ладонью нырнула под халатик и крепко сжала собственную грудь, застонав ещё громче и сильнее принявшись вбивать меня в матрас.

Мне, кстати, тоже понравилось. Люблю когда пожестче. С эльфийками в этом плане была просто беда. Так то в обычной жизни они все жёсткие, властные, чуть что, всякие там казни, пытки. Но как доходит до постели, так только проникнешь нефритовым ключом в яшмовую скважину и всё, “ах”, “ох” и растекаются словно амёбы повторяя на этом своём эльфийском: “ещё, ещё”... Все таки земные женщины покрепче будут. И тут меня осенило, точно, это же земная женщина!

С новым интересом взглянув на незнакомку, я принялся гадать откуда эльфийки мне такой шикарный подгон сделали?

Неужели на Землю снова сгоняли? И не поленились же.

"Точно наверно великая мать постаралась. – Я самодовольно улыбнулся, – знает чем меня порадовать".

Что говорить, завладев умами и сердцами корабельной команды, затем членом проложив себе путь к трону и подсадив эльфийскую великую мать на свой бамбук наслаждения,

я развернулся так, как раньше и помыслить не мог. Шибко афишировать своё участие в политической жизни эльфийской планеты я, конечно, не мог. Население бы не поняло, с какого перепугу у них великую мать сменил великий бать, да ещё и не эльф. Нет, мне, конечно, предлагали, но триста миллионов эльфиек, это триста миллионов эльфиек, цифра неподъемная даже для меня. Столько перевербовать, во первых и жизни не хватит, во вторых шишка сотрётся. Так что от трона пришлось, трезво оценивая свои силы, благородно отказаться, а вот серым кардиналом...

Тут моя наездница, отвлекая меня от мыслей о политике, схватила себя за грудь второй рукой и наши скачки резко превратились в дикое родео!

– Да, да, да... – на выдохе начала шептать пышногрудая незнакомка, начиная помимо вверх-вниз, делать ещё вперед-назад и вправо-влево.

От таких упражнений, начало потихоньку накрывать и меня, а затем, вторив ей, я тоже завыл в голос, – О, д-да!..

– Ай! – вскрикнула та, распахнув веки и полными ужаса глазами посмотрев на меня, и рефлекторно так сдавила мышцами мою почти полуметровую палку стопроцентного мясного сервелата (куда там вялым сосискам из Семёрочки), что у меня самого глаза на лоб полезли.

Надо ли говорить, что от такого я немедленно кончил. Да и партнершу мою, и так уже подходившую к кульминации, резкий стресс только подстегнул и она, изогнувшись и хрип-

ло зарывчав, принялась отчаянно содрогаться всем телом.

Наконец отстрелявшись, весьма приятной наружности женщина, а на глаз я ей дал лет за тридцать – тридцать пять, перестав вздрагивать, неловко слезла с меня, как-то дергано поправив халат, и, закусив губу, в полном молчании присела на стул напротив кровати.

Ещё раз окинув оценивающим взглядом, я, подняв ладонь, остановил её, попытавшуюся что-то сказать и задал вопрос сам, требовательно и твердо, как всегда когда общался с подчиненными, – Где Сарарин?

Незнакомка непонимающе взглянула на меня и я, нахмурившись и начиная терять терпение, спросил снова, – Где те кто привели тебя ко мне?

– Ваше Сиятельство, – хрипло произнесла женщина, – меня никто не приводил, я ваш лечащий врач...

С каждым словом голос её становился всё тише, а взгляд всё ниже. Под моим недоверчиво-внимательным взглядом вскоре её лицо и вовсе как-то резко побледнело.

– Ну допустим, – произнес спустя пару мгновения я, – и от чего меня лечат?

– От последствий двойного проникающего ранения грудной клетки и проникающего ранения головы...

– И головы? – недоверчиво спросил я, коснувшись пальцами лба.

– Да, Ваше Сиятельство, – произнесла моя, вроде как, лечащий врач.

– Погоди, а как я выжил?

– Была задета только одна половина мозга, а мозговой ствол и таламус к счастью не затронуты как и крупные сосуды, поэтому мы смогли стабилизировать ваше состояние, хоть вы и не приходили в сознание.

– Понятно. – Оглядев окружающее пространство уже более осмысленно, я отметил просторную палату, с мебелью из крашеного дерева, белые стены и потолок, картину с лебедями а рядом окно с занавесками, за которым слегка показывал ветвями раскидистый дуб и было голубое, с легкими белыми облачками небо. Я точно был не на родной планете Аллари... Спросил снова, начиная прозревать, – Я же на Земле, да?

– В первом Петербургском военно-полевом госпитале, Ваше Сиятельство.

– Ну зашибись, – выдохнул я, откидываясь обратно на подушку. Затем снова посмотрел вниз, на так и продолжающие проветриваться гениталии и натянув спущенные до колен трусы, уточнил, – а вот это была тоже лечебная процедура?

Сглотнув, врач, имя которой я так и не удосужился спросить, покачала головой и вновь побледнев и скомкав в кулаке край халата, произнесла, – Ваше Сиятельство, мне нет прощения, я воспользовалась вашим беспомощным состоянием, и... и... я...

– Погоди, – остановил я начавшую заикаться от волнения

женщину, чувствуя необычайную легкость в теле, удобно сел на постели, подтолкнув подушку за спину, – прежде всего, давай определимся, чем просто секс отличается от изнасилования.

Услышав последнее слово, врач вся сжалась и я вновь заметил бисеринки пота выступившие на висках. Но не стал томить и сам же ответил, – В первом случае удовольствие получают оба, а во втором только кто-то один. Так вот, я удовольствие получил, а ты?

Вскинувшись, женщина снова удивленно посмотрела на меня.

– Да-да, – кивнул я, – предлагаю забыть, что тут кто-то кем-то воспользовался и остановимся на обоюдном согласии всех участников.

– Это... неожиданно, – произнесла врач. Её взгляд из испуганного, стал изучающим, – но всё-равно, этика общения врача и пациента...

– Да, брось, – фыркнул я, – хочешь сказать, дамы лежащие тут на излечении, никогда не мечтали о красивом молодом медбрате, который бы запрыгнул им в койку?

– Да, но...

– Ну а я всегда мечтал о красивой медсестре.

– Я не медсестра!

– Врач даже лучше, – я расплылся в улыбке, – тем более под халатом всё едино.

– Да, мне говорили, что вы необычный юноша, – произ-

несла женщина задумчиво.

– И кто же?

– Все, – хмыкнула та.

– И много их было?

– Много, – качнула головой врач, – но, – она заторопилась, – вы очнулись, а значит надо ещё раз провести полную оценку состояния здоровья и сообщить вашим родителям.

– Каким родителям? – не понял я.

– Вашим, – мягко произнесла врач, – великой княгине Елене и великому князю Алексею.

Я хотел было задать ещё вопрос, но тут же осёкся, так как внезапно начал вспоминать. События последних дней, перед тем как две пули пробили мою грудь, а третья погасила сознание, словно калейдоскоп, замелькали перед внутренним взором. Сжав череп руками, я переждал острый приступ мигрени, и затем, под встревоженным взглядом дернувшейся к постели врачихи, глухо и невесело произнес, – Всё в порядке, просто ко мне вернулась память.

* * *

Великий князь Пётр Алексеевич, – так теперь величали меня. И только узкий круг, мои, так называемые, “родители”, “сестра”, да всевластная “тётка” – императрица, знали, что на самом деле я никакой не великий князь, а лишь лицо должное его заменить в общественном сознании. С другой

стороны, все полагающиеся отпрыску великокняжеской фамилии почести и привилегии мне достались в полной мере.

Неделя, как меня из госпиталя перевезли сюда, в имение великокняжеской четы и я потихоньку обживался тут, почти не пересекаясь с новоявленной родней, вернее, скажем так, это они не стремились форсировать события, давая мне возможность спокойно освоиться в новом окружении, тем более доктор настойчиво порекомендовала первое время стрессов и волнений не допускать.

Пройдя длинный коридор и толкнув двери спальни, я вошел в собственные покои, чтобы в который раз насладиться зрелищем как с моей кровати резко подрывается одетый в мятую ливрею мой собственный камердинер. Мда. Вот ещё одна привилегия, с которой я не знал что делать.

Фамилию этого, давно разменявшего пятый десяток мужчины, не помнил, казалось, никто, все, от последнего служки до великой княгини называли его просто – Сергеич. И Сергеич этот, доставшийся мне по наследству от прежнего Петра, был тем ещё кадром. Настолько завистливого, озабоченного и истеричного типа я не встречал никогда. И это при полном отсутствии жены и богатом выборе кандидатур на спутницу жизни.

Да, Сергеич жадно облизывал взглядом каждую проходящую мимо бабу. И нет, я не ханжа, но в мире, где женщин не надо уговаривать заняться сексом, подобная озабоченность выглядела странно. Тем более странно, что как я не инте-

ресовался, но поймать Сергеича за чем-то большим чем возжеленным вздыханием по объекту интереса так и не смог. В чем причина, этого, я, как не пытался, но пока понять был не в силах.

Мысли, что его все динамят, я не допускал, потому что он одинаково пускал слюни как вслед благородных дам, так и глядя на жопастую и сисястую шеф-повариху поместья, Глафиру, монументальностью форм могущую поспорить с средним мобильным доспехом. Да стоило бы ему хоть раз прямо сказать той же Глафире о своем интересе и из её кровати он бы не вылезал. Но почему-то до этого никогда у него не доходило.

Однажды я застал его за наяриванием писюна в приоткрытую щелку дверей в покои великой княжны, моей “сестры”. Косноязычные оправдания слушать не стал.

В следующий раз случайно стал свидетелем разговора с другими слугами, где он пучил глаза и надувал щёки, рассказывая какие вчера-сь встретил сиськи.

А как-то раз, и вовсе, часов после одиннадцати, изучая правое крыло поместья, набрел на стихийный сабантуй в одном из подсобных помещений, где Сергеич выпивал в компании еще парочки слуг мужского пола, во всю заплетающимся языком красочно расписывая какие все бабы стервы.

Любимой фразой Сергеича было, – Это вам не из Семёрочки... – дальше следовало название рандомного продукта низшего ценового сегмента, которую он повторял на все ла-

ды по поводу и без.

Но самым финишем было, когда я его застучал нырнувшим по пояс в мусорный бак у задних ворот. Когда он вынырнул оттуда донельзя довольный с чьими-то старыми женскими трусами в руках, я просто молча развернулся и ушел. О чём-то говорить здесь было просто бесполезно.

Как его не выгнали давным давно из великокняжеского поместья? Я, признаюсь честно, терялся в догадках. Но стоило вскользь поинтересоваться этим вопросом у “матери”, как мне четко и ясно дали понять, что камердинера сменить не получится. Что ж, придется терпеть.

Вот и сейчас я только вздохнул и произнес, – Сергеич, ты опять?!

– Никак нет, Вашество, – затараторил он, бегом бросившись поправлять и разглаживать смятое покрывало, – показалось что с матрасом что-то не то, решил вот проверить, сам, так сказать, своим телом.

– Ну-ну, – я скептически посмотрел на его растрепанный вид и суетливо бегающие глазки и в который раз мысленно плюнув, распорядился, – Сергеич, давай к начальнице охраны, я планирую выбраться на прогулку после полудня, пусть выделит мне пару вой.

– К Сладомире Игоревне, Вашество? – раскрыв глаза, неуверенно проблеял он.

– К ней, к ней, – кивнул я. Вот кстати, начальница великокняжьей охраны была, наверное, единственной женщиной,

которую, несмотря на красоту и статью, Сергеич провожал исключительно полным боязливого уважения взором. Чем уж она его так пугала, не ведаю, но, факт оставался фактом.

Понуро удалившись, камердинер оставил меня одного и я, упав в большое резное кресло, подле письменного стола, в который раз упёр взгляд в большое стрельчатое окно, и стал в который раз обдумывать собственное положение.

С момента покушения, (эх, Арина-Арина), прошло без малого полгода. Исцеление травмы мозга, да ещё в случае с мужчиной, это весьма долгий и муторный процесс. Не то что у женщин, которым неплохо помогала их собственная магия.

Достав из под рубахи просверленную насквозь и повешенную на тонкую цепочку пулю, что врачи извлекли из моей головы, я кривовато и совсем не радостно улыбнулся. Выжил чудом, однако. Столько провалялся в коме, пока, наконец, организм не решил, что я уже здоров. А может и вправду помогла нестандартная методика моего лечащего врача. Как-никак тоже, отчасти, стимуляция мозговых центров.

Какой я вывод сделал от всего этого? Что нефиг пытаться победить женщин на их поле. Вернее мне для этого не хватало кое-каких морально-волевых качеств. Врать самому себе было последнее дело и со вздохом и душевной болью пришлось признавать, что армия это не моё. Хотя мобильные доспехи я продолжал любить всем сердцем.

В общем, не быть мне офицером. Хотя может и не надо. Ну попал бы я в армию, а там пять лет по контракту и все

эти уставы утром, днем и вечером. Нет уж, пожалуй хватит. Интересно только, как там у девчонок дела и Марины, да и боярыня с Мирославой, наверное переживают. Сам я с ними связаться пока не мог, средств связи и доступа к ЭУМу у меня не было, доктор запретил, а на мой вопрос единственное что ответили, что о моей поправке всем заинтересованным лицам сообщено. Правда и с посещениями обломили, опять сославшись на врачебный запрет, поэтому я и шатался по поместью от нечего делать, изучая новый дом.

Чем-то это напоминало резиденцию Златолесских, а чем-то и отличалось. К примеру гарема тут не существовало как класс. И в целом, как мне объяснили, императорская семья, включая всех великих княгинь, отказалась от подобного уже как лет с восемьдесят. На мой вопрос, как спускает пар та же прислуга женского пола, как и девушки с охраны, выяснил, что большая часть работниц поместья имеет здесь, так сказать, семейный подряд, недаром у нас и слуг мужского пола почти столько же. Поэтому разврата никакого нет, всё в рамках института брака, ну а те немногие, что были пока одиноки, вполне вероятно скоро должны были найти себе пару. Вроде как за этим следила одна из личных секретарей великой княгини.

Хорошая система, но, к сожалению, не работающая в рамках всей страны и благородных родов. При таком соотношении мужчин и женщин, позволить себе иметь равное количество слуг обоего пола могли только великие князья. Так

просто проблему гаремов было не решить.

Невольно я поймал себя на мысли, что уже начинаю думать над проблемами страны в целом и улыбнулся сам себе. Там, у эльфиек, это было делом привычным, как-никак, именно я стоял за спиной великой матери, её устами претворяя в жизнь многие политические инициативы.

Не знаю, было ли это действительно всего-лишь большой фантазией моего мозга. Полгода комы для меня растянулись в несколько лет там и воспоминания о планете воинственных эльфиек были настолько живыми и яркими, что я не хотел, просто не мог, воспринимать их как какой-то коматозный бред.

Несколько лет фактического управления целой планетой, сотни проектов, куча интриг, хромающая на обе ноги экономика, будь она неладна, даже парочка задушенных в зародыше бунтов. Я действительно был на вершине политической власти. И теперь, не скованный больше положением гаремной игрушки и не зажатый в уставные рамки погонями офицеры, я серьезно подумывал на это вершину возвратиться, только теперь здесь, на Земле.

Глава 2

Но первой проблемой, с которой я неожиданно столкнулся в “родительском” поместье оказалось полное отсутствие секса. Да, да, вы не ослышались. Я понимаете-ли, великий князь, а мне не дают.

Было, всё-таки, в положении наложника что-то хорошее. Как минимум это пару раз в день секс с очередной сногшибательной красоткой. А то и трижды. А когда я настроил систему так, что сам мог выбирать с кем спать так и вовсе, пошла не жизнь, а малина. А тут?

Я вспомнил неудачный подкат к охранницам, что сопровождали меня на прогулке в роще недалеко от поместья. И ведь специально выбрал место поукрытней. Но мои тонкие намёки они в упор не понимали, а когда я, не вытерпев, поставил вопрос ребром, так и вовсе испугались и заблеяв что-то про службу и обязанности, всю оставшуюся прогулку старались держаться от меня на максимально возможной дистанции.

Подпирая дверной косяк, я стоял у входа в каминный зал, разглядывая “маму” и “сестру”, что обсуждали что-то, судя по отсутствию улыбок на лицах, весьма важное и почти серьёзно раздумывал, а не подкатить ли мне к великой княжне Виктории. В конце-концов, мы же с ней по крови вообще не родственники. А то у меня уже три недели сплошной она-

низм. Так и мозоли на ладонях натереть можно. Я вспомнил анекдот про дневник онаниста и не весело, со злой иронией, хрюкнул. Действительно, еще пара-тройка месяцев такого рукоблудства и точно женщины будут восприниматься как слабое подобие левой руки.

Суеверно скрестил пальцы за спиной, не дай, как говорить, богиня.

Правда делу мешало, что официально она мне числилась родной сестрой. Инцест, конечно, дело семейное, но разболтают ведь. С таким количеством слуг во дворце, что-то сделать тайно, задача почище чем проникнуть в Пентагон. А слухи подобного рода ни мне ни моей новой семье точно не нужны.

Еще раз взглядом ощупав аппетитную задницу княжны, я, со вздохом, от идеи подката отказался, но оставил зарубочку на память, поинтересоваться насчет её знакомых офицеров не скованных высокими моральными принципами и достаточно авантюрных для разовой порочной связи с мной любимым.

Я готов был даже на мимолетную интрижку, причем неважно где. Хоть в лесу, хоть в поле, да хоть в болоте, лишь бы получить желаемое. Мне и кровать была не нужна, что в ней, в этой кровати.

Моя лечащая врач, что посещала меня с периодичностью раз в три дня, тоже отказалась от инновационных лечебных методик так удачно выведших меня из комы, как я намекал и

ни пытался её лапать во время осмотра. Но та была как кремень и даже попытка шантажа не возымела действия. Потом мне стало дико стыдно, но извиниться не получилось, в следующий раз врачом был уже немолодой мужчина.

– Пётр, – заметила меня хозяйка поместья и подозвала легким жестом к себе, вполне мило улыбнувшись, заставляя отлипнуть от дверного проёма и подойти.

Как общаться с новоявленной родней я так толком и не определился, ввиду редких встреч, как никак родная сестра императрицы не тот человек которому нечем заняться и появлялась тут она набегами. Вот как в этот раз. Но дело моё, грубо говоря, не терпело отлагательств и приблизившись я с коротким поклоном произнес, – Великая княгиня, – затем в сторону Виктории, также с интересом смотревшую на меня, – великая княжна.

– О, мальчик мой, зачем так официально, – отеческим, а вернее материнским, в местных реалиях, голосом произнесла женщина, – когда мы одни, ты можешь называть меня просто – матушка. Да и Вику тоже попроще, вы же брат и сестра.

Я покосился на стоявшую рядом девушку в офицерском мундире, убравшую руки за спину и слушавшую нас, выпрямив спину, и слегка вздернув вверх тонкий подбородок. Но никаких эмоций на её лице не промелькнуло, ни недовольства, ни вынужденного смирения. Либо она действительно не испытывала ко мне и всей этой ситуации негатива, либо

очень хорошо умела это скрывать. Поэтому, приняв правила игры, я чуть натянуто улыбнулся и произнес, – Да, матушка, впредь так и буду.

– Хорошо, – посмотрев куда-то мне за спину, она повелительно махнула рукой, скомандовала слугам, – Обед накройте на террасе, на нас троих, – а затем, снова вернувшись ко мне, благожелательно спросила, – ты же не откажешься пообедать в семейном кругу?

– Нет, – произнес я, а затем решил уточнить, – а великий кня... то есть батюшка?

– Он остался в столице, там какой-то международный мужской форум, поэтому пару дней его не будет.

Меж тем, небольшой круглый стол под легким навесом уже успели накрыть и нехотя подцепив “сестру” за подставленный локоть, я, этаким прицепом, был отбуксирован княжною на обед.

Перечень блюд перечислять не буду, в конце-концов, не фуа-гра с трюфелями, а вполне обычная русская кухня, которую все и так пробовали и знают, поэтому, плотно насытившись и отвалив на спинку стула, насколько это позволяли правила приличия, я приготовился к разговору.

Великая княгиня была не глупа, поэтому прекрасно поняла, что не просто так я оказался сегодня у них на виду. Промокнув губы салфеткой, взглянула этак пронизательно и поинтересовалась, – Ну что случилось, Петя, выкладывай.

– Да, в общем-то, ничего такого, – вздохнул я мрачно. А

затем, когда княгиня снова, уже настойчивей произнесла, – И всё-же? – еще более мрачно ответил, поджав губы, – Секса хочу.

Напрягся поначалу, но однако обвинений в обличье морале не поступило и пользуясь возникшей паузой, я сначала посмотрел на матушку, а затем и на сестру. Внимательно изучил легкую полуулыбку княгини, а затем и внешне спокойную, но со смеющимися глазами Викторию, и спросил уже в свою очередь, – Эм, и никаких нотаций о недостойных великого князя желаниях?

– Пожалуй нет, – произнесла с легким весельем в голосе княгиня, – ты парень взрослый, тем более давно не дественник. К тому же о твоих взглядах на тему половых отношений, и поведении в той же академии мы весьма наслышаны.

– О да, – подключилась, также веселясь, сестра Виктория, – среди курсат такие слухи бродят. Кто бы мог подумать, что в моём брате таится столь любвеобильный и ненасытный, гм, самец.

– Ну хоть шлюхом не назвали, – буркнул я.

– Ну да, гм, не назвали, – с некоторой многозначительной заминкой добавила княжна и я понял, что называли, и похоже, даже и похуже.

– То есть, если я, – начал я осторожно, ещё раз прокрутив в голове разговор, – скажем так, склоню к интимной связи по обоюдному согласию, какую-нибудь прислугу или работницу поместья, вы возражать не будете?

– Ну почему же, – спокойно ответила матушка, – пожалуй что буду. Во первых свободных девушек у нас не так много, а во вторых, они здесь ищут мужей а не ни к чему не обязывающую интрижку с юным великим князем.

– Понятно, – погрустнел я. В этот момент пара девушек в коротких ливреях, быстро убрала со стола пустую посуду, и взамен притащила классический самовар с чашками и самые обычные, посыпанные маком бублики.

Проводив взглядом обтянутые штанишками попки, я вновь встретился с продолжавшей улыбаться княгиней.

– Впрочем, – ответила та, – я не буду возражать, если к тебе будут приезжать твои знакомые. По заранее утвержденному списку, конечно, но это только в рамках проверки на благонадежность, ты же не забыл, что на тебя покушались. А в остальном, у тебя будет полная свобода действий.

“Я понял – это намёк, я всё ловлю на лету...” – Строчки из песни как нельзя кстати подошли к моменту и я, воспряв духом, тут же заявил, – Ноу проблем, список подготовлю. Ручаюсь, у меня там все абсолютно благонадежны.

– И много их, кстати? – словно невзначай поинтересовалась Виктория.

– Ну давай посчитаем, – стал я загибать пальцы, – Во первых, боярыня Златолесская, как-никак я её фаворит. Потом Мирослава, это её начальница службы безопасности. Затем Илана, это моя телохранительница... была. Тоже в охране рода. Ах да, Марина, она тоже в роду была, а потом в ака-

демии, куратой взвода и занятия по управлению мобильным доспехом вела. Ну, еще можно девчонок с академии, пару штук – Вику и Кристину. Светку бы я тоже позвал, но она вся из себя гордая, не пойдет, наверное.

Прервавшись, я посмотрел на обеих женщин, и добавил, – Ну это так, навскидку, кто первые в голову пришли.

– И ты со всеми ними хочешь... – княгиня не закончила, а я быстро кивнул.

– Ага.

– И как часто ты бы хотел?

– Ну пару раз, хотя бы, – почесал я затылок.

– В неделю? – переглянулась хозяйка поместья с дочкой.

– В день.

Тут хвалёная офицерская невозмутимость дала трещину и хлебнув от души чая, Виктория закашлялась, а затем изумленно на меня посмотрела.

– А что? – принялся защищаться я, – у меня организм молодой, мне много надо.

– А в тебе точно не гаремное прошлое говорит? – чуть с сомнением произнесла княгиня, но я только возмущённо замотал головой.

– Между прочим, в гареме меня всё устраивало! Ну почти, – стушевался я под критическим взглядом обеих дам, – Но когда фаворитом стал – точно всё устраивало.

– Хм, ну ладно, – нехотя согласилась матушка, как я её всё чаще старался про себя называть, чтобы привыкнуть. –

Но не уверена, что эти девушки согласятся так часто тебя навещать, всё-же у всех свои дела, заботы...

– Ну, мне можно одну на постоянку, – скромно заметил я, – а остальных так, по мере возможности.

– А ты действительно стал другим, братик, – выделила последнее слово княжна как-то по новому меня разглядывая.

– Все меняются, – ответил ей, а затем подмигнул. Честно, не специально вышло, как-то само собой, но получилось весьма фривольно. По крайней мере, княгиня, точно восприняла мой жест не совсем как надо.

– Петя? – чуть приподняв бровь, поинтересовалась княгиня у меня.

– А что я, я ничего, матушка, – развел я руками, – просто глаз дернулся, наверно попало что-то.

– Ну-ну, – она еще посматривала на меня, с легким прищуром, когда Вика неожиданно поднялась с места и коротко попрощавшись, ушла обратно в дом. А я, склонив голову, чтобы не видеть изучающего взора великой княгини, попытался ещё раз вспомнить, как отреагировала моя “сестра” на подмигивание, но казалось, кроме легкого удивления, больше ни единой эмоции у неё не проскользнуло. Жаль...

* * *

– Сергеич, стой! Стой, сука! – гнал я за улепётывающим камердинером, пытаюсь на ходу зарядить смачным пинком

по худой заднице. Но тот с невероятной ловкостью успевал в самый последний момент уклоняться, избегая праведного возмездия. В правой руке этого фетишиста предпенсионного возраста отчаянно болтался женский лифчик размера пять плюс, который тот как законную добычу никак не хотел отдавать.

Нет, это был не мой лифчик, конечно, но когда я в очередной раз застучал собственного камердинера выныривающим из одной из спален с этим элементом женского гардероба в цепких ручонках, чаша терпения оказалась переполнена, забрало упало на глаза и, взревев, я бросился вперед с одним единственным желанием – наказать мерзавца.

Правда тот развил неожиданную прыть и преследуя того по всему дому, а затем и парку вот уже минут пятнадцать, я всё не мог никак его догнать, постепенно выдыхаясь.

Наконец, махнув рукой, остановился, тяжело дыша, и глядя как Сергеич козлом скачет по клумбам вытаптывая цветы. Не смотря на длительный забег, он продолжал держать крейсерскую скорость, всё больше удаляясь от меня. Плюнул вслед, мстительно подумав, что один фиг как миленький к вечеру вернётся, куда денется-то, развернулся и не торопясь побрел обратно, восстанавливая дыхание. Шесть месяцев в больнице наглухо убили всю мою с таким трудом накачанную мышечную массу и был я сейчас едва-ли не слабее, чем перед попаданием в гарем. Досадное упущение, которое стоило как можно раньше начинать ликвидировать.

Петлял Сергеич как заяц, не разбирая дороги и сейчас, возвращаясь обратно, я с неудовольствием смотрел на истоптанные клумбы, пробитый нашими телами кустарник и испугнутых с неглубокого пруда лебедей, который мы форсировали по колено в воде.

Обратно в пруд прыгать я не стал, обойдя по бережку, благо диаметром он был от силы метров тридцать, а вот длинную живую изгородь, отделявшую пруд от другой части парка обходить, делая здоровенный крюк, совсем не хотелось и вздохнув, я полез обратно через нее, машинально двинув в воздухе рукой, чтобы часть веток расступилась, расширив мне проход.

Пересек изгородь и уже на той стороне, сделав пару шагов, внезапно остановился как вкопанный. Медленно развернулся. Посмотрел сначала на свою руку, затем на изгородь. Помотал головой. Неужели показалось? Но постаравшись вспомнить те ощущения, снова провел ладонью перед собой и вновь, находящиеся в паре метров от меня ветви кустарника раздвинулись в стороны, словно живые. Не сильно, но так, что это невозможно было объяснить никаким порывом ветра.

А ведь не даром жест этот был рефлекторным. Я уже делал так и не раз, воздействуя на различную растительность. Вот только было это не здесь – на Земле, а там, в моих снах о планете воинственных космических эльфиек.

Как оказалось, рецепт обретения магии там было до смеш-

ного прост, всего-то надо трахнуть пару тысяч эльфиек и часть их эльфийской магии прочно поселяется в тебе самом. Хорошо ещё, что деревом не стал, а то был бы дендрому-тантус вульгарис – буратино обыкновенный, да помахивал бы только кроной, пока на моём сучке эльфики невозбранно прыгали. Но обошлось.

Уровень у меня был, откровенно говоря, слабенький, но мои зеленокожие остроухие подружки тоже не одну сотню лет мастерство оттачивали, так что я не унывал. Зато, смог без помощи специально выделенной служанки пользоваться всеми благами эльфийской цивилизации. А то без минимального навыка управления растениями с помощью магии, даже задницу подтереть проблематично. Я с этими тремя кувшинками в туалете месяц бился, пытаюсь понять как оно работает. А оказалось, что там просто нужна магия.

– Но это же был сон, – прошептал я, всё-ещё не веря до конца, – я же был тут, на Земле. Валялся в коме. Или не совсем?

Вспомнив простейшие манипуляции, каким обучала меня Сарарин, присел, протянул ладонь к газонной траве, а затем, чуть коснулся выпрямившихся и заострившихся от моих манипуляций стебельков. Одернул руку, посмотрев на капельки крови выступившие из множества точечных проколов, слизнул машинально языком и прошептал снова, – Ножи травы. Твою бать, это же самые настоящие ножи травы.

Одно из простейших защитных заклинаний, которое зна-

ют даже дети. Вот только не на Земле. Здесь я о таком даже не слышал.

Встав на ноги, задрал голову вверх, вглядываясь туда, в небеса, пытаюсь за голубым небом разглядеть бездонную пустоту космоса, где наверняка существовала у безымянной звезды планета Аллари. Должна была существовать. Иначе где бы я получил это всё? А может, – я с внезапно проснувшейся надеждой, ещё раз упёр взгляд в зенит, – там где-то есть и моя верная Сарарин с верховной матерью?

* * *

За многие тысячи световых лет от заштатной планетки с окраины Млечного пути, на много ближе к плотным и ярким областям галактического ядра, на планете под светом красной звезды, в своей кровати проснулась зеленокожая эльфийка и вспомнив такой яркий, такой реальный сон, чуть фыркнула и покачала головой.

“Это же надо такому присниться, – подумала она про себя, – что нас поработил какой-то отсталый примат, которого мы захватили на неизвестной планете”.

Впрочем, способ порабощения был весьма приятен, даже очень весьма, она вспомнила такие живые, такие настоящие ощущения, и внезапно почувствовала томительную истому во всём теле. Прилегла обратно на мягкие простыни и проникнув тонкими пальчиками в разгорячённое лоно, чуть за-

стонала, а перед внутренним взором возникла коренастая, по эльфийским меркам, чересчур мускулистая и волосатая фигура примата, одновременно отталкивающая и в то же время необъяснимо притягательная, особенно своей, такой огромной штукой торчащей между ног.

Глава 3

Магия это не только ценная способность, но и огромного размера геморрой, когда ты мальчик в мире где магией владеют только девочки. Тем более когда твои способности уникальны. Соответственно это может означать только одно – если тебя найдут, то из лабораторий, где тебя будут по кусочкам препарировать, выясняя как ты эти возможности за получил, ты уже не вылезешь. По крайней мере целым.

Я это понимал, не смотря на всю легкомысленность отношения к мужчинам, магия это краеугольный камень женского превосходства и посягательство на такую монополию – гарантированный билет на тот свет, быстрый и жесткий. Меня пытались убить и за меньшее.

Поэтому первое, чем я озаботился, это обеспечением полной конспирации своих действий. А это значит, никаких манипуляций там, где меня могут увидеть. Соответственно парк и прилегающие рощи тут же отпали в качестве полигона для экспериментов. Имеющаяся при поместье оранжерея тоже, потому что местный садовник, любые изменения в подведомственном хозяйстве засечёт сразу.

Выход был только один, организовать мини оранжерею в своей собственной комнате. Там, по крайней мере, проводя эксперименты, я мог запереться, исключив случайных свидетелей.

Вся эта тема с эльфийской магией, меня, конечно, взбудорила сильно. На пару дней я даже почти забыл обо всём остальном, полностью погрузившись в обдумывание своих дальнейших действий. Весьма опрометчиво. Кто-то свистнул из стола декоративный серебряный набор для писем из ножа и лупы. Красивая штука, хоть и не нужная в век развитой сети ГИС и электронных писем. Да и обнаружил случайно, когда искал блокнот для записей. Но сам факт!

Подозревал Сергеича, но тот делал оскорбленное лицо и категорически отметал все обвинения. Пришлось дверь в личный кабинет, который находился сразу за спальней, постоянно запираеть на ключ. Жаль спальню не запрёшь, слугам же доступ нужен, постель застелить, убрать. Камердинеру тоже, тот должен за состоянием одежды следить, ну и помогать одеться там и вообще выполнять всякие мелкие поручения бытового плана.

Поэтому на возможную пропажу чего-то оттуда пришлось махнуть рукой. Впрочем, пока за Сергеичем воровства мужских трусов не наблюдалось. Он был исключительно женским фетишистом.

Честно скажу, когда шел выторговать себе десяток горшков с растениями, заранее готовился к неудобным вопросам, продумывая как буду играть образ поехавшего цветолюба, но на удивление всё прошло мирно и спокойно. Княгиня легко согласилась выделить мне всё необходимое, даже не поинтересовавшись, что конкретно мне надо. Сказала только

посоветоваться с садовником, что из цветов будет хорошо себя чувствовать в помещении.

В общем, буквально на следующий день, весь подоконник и этажерку у стены занимали свежесажённые растения. Названия я узнавал постфактум, тупо тыкая садовнику в те, что мне приглянулись больше всего. Мысленно потирал руки, скоро всё это зелёное богатство подвергнется бесчеловечным экспериментам с моей стороны. Мне же надо понять границы своих возможностей.

– День первый, – произнес я вслух, остановившись перед ростком гибискуса коноплёвого.

Если кто-то сейчас подумал о том самом, то он ошибся. Никакого отношения к конопле классической, гибискус коноплёвый не имел. Просто листочки растения очень уж напоминали коноплю. Но курить гибискус было бесполезно ибо каннабисом там и не пахло. Выбрал же я его за очень интересную структуру волокон и возможность вымахивать выше человеческого роста, что должно было неплохо помочь для относительного замера моей магической силы.

Была мысль приобрести бамбук, но где его тут быстро достанешь? Поэтому, увидев высаженные в открытом грунте интересные побеги и уточнив у садовника, немедленно прибрал себе.

– Определяем среднюю скорость роста побега, – произнес я, поднося ладони к стеблю растения и, как учили, сконцентрировавшись, принялся излучать руками своеобразное

тепло. Сложно объяснить точнее, но когда ладони начинают пропускать магию, чувствуется какой-то фантомный нагрев. Вот по этому ощущению я и ориентировался в первую очередь.

Стоило только потоку магии, слабенькому конечно, руки приходилось держать не дальше пяти сантиметров от образца, коснуться побега, как тот принялся быстро расти вверх, постепенно утолщаясь в диаметре.

Отсчитав десять секунд по таймеру, я облучение прекратил. Достал рулетку и замерив итог, записал в блокнот, – В ходе десятисекундного воздействия, длина побега увеличилась с пятнадцати, до семидесяти трех сантиметров, а диаметр с шести миллиметров до одного сантиметра одного миллиметра.

Отрезав выросшую часть, взвесил на весах, дополнил запись, – Прирост зелёной массы в не высушенном состоянии, за время воздействия составил двести девяносто семь грамм. Соответственно в минуту получаем примерно, – я перемножил на калькуляторе, – один килограмм, семьсот восемьдесят два грамма живого веса.

Много это или мало?

Если растить дерево, то при сохранении соотношения массы ко времени, на какую-нибудь березку метров шести-семи в высоту уйдёт, округленно от полутора до двух часов непрерывного воздействия.

– Так-то немного, – почесал я затылок, озвучивая мысли

вслух, – но насколько хватит моего резерва?

Но, по крайней мере, уже получилось установить интенсивность моего магического воздействия, назовем её – сила магии, которая выражается в килограммах в минуту и равна единице, семьсот восьмидесяти двум.

Теперь надо определить резерв до полного истощения ма-ны или чего-то там ещё, что собственно расходуется в ходе облучения. Объем резерва пусть будет также в килограммах зелёной массы, чтоб не запутаться.

Для этого я взял всё тот же обрезанный побег и вновь принялся облучать магией, наблюдая как тот растет. Вот только, достигнув метров двух в высоту, он, внезапно, начал чернеть, а вскоре и вовсе стремительно засыхать, пока совсем не прекратился рост зелёной верхушки, а стебель с сухим треском не надломился и упал на пол.

Посмотрев на вдвое уменьшившийся в горшке уровень земли и потыкав в то что осталось, полностью высушенное до такого состояния, что от легкого прикосновения взметалось облачком невесомой пыли, я почесал тыковку и признался сам себе, что слегка этот момент не додумал. Похоже, магия не даёт растениям из ниоткуда строительный материал, а просто подстёгивает рост. Всё же необходимое забирается из почвы. А когда ресурсные возможности горшка были полностью исчерпаны, то и рост, соответственно остановился.

В общем, эксперимент требовал более серьезной подго-

товки и для чистоты замера, я перенёс его на следующий день.

– День второй, – произнес я, останавливаясь напротив здоровенной кадки полной земли, которую приперли в комнату обливающихся потом садовник и камердинер, которого я припахал чтоб жизнь мёдом не казалась. Сергеич ныл, стонал, но тащил, не осмелившись мне перечить, потом, правда, под предлогом сходить до ветру, куда-то ушел и больше не вернулся, где-то явно затихарившись. Ну да он мне больше и не был нужен.

Земли было насыпано даже с горкой, была она щедро полита и обогащена азотистыми удобрениями, в общем, максимально подготовлена к эксперименту.

Ростков пересадил я сразу пять, как можно плотнее друг к другу, а затем, обхватив ладонями принялся облучать магической силой.

Минуту, две, три, вымахивая в высоту стебли увеличивались и в объеме и мне всё сложнее оставалось равномерно их облучать. Правда, через двенадцать минут и сорок три секунды тепло от моих ладоней идти перестало и и рост визуально прекратился.

Выдохнув и утерев пот, я достал калькулятор и принялся подсчитывать. Расчетным методом получилось двадцать два и семь десятых килограмма. Обрубив вымахавшие выше потолка и ставшие твердыми и жесткими стебли, взвесил их на весах и удовлетворённо кивнул, весь был чуть больше два-

дцати трех килограмм, что вполне укладывалось в общую погрешность измерений.

– Итого, – сделал я запись в блокноте, – на второе июля сего года, объем резерва двадцать три единицы, средний расход одни целая семьдесят восемь сотых единицы в секунду.

Еще раз прочел записи и улыбнулся, по крайней мере я теперь имел некую условную точку отсчета, и шкалу измерений, для дальнейшей работы с магией.

Разобравшись, таким образом, с первоосновой, я решил заняться более сложным взаимодействием. Не просто подстёгиванием естественного роста растения, а уже тем, что собственно и называлось магией – изменением первоначальных свойств и придания растениям новых качеств. Ножи травы, кстати, были простейшим примером такого преобразования, только имеющим временный характер, правда и требующим не слишком больших магических затрат.

А вот изменение свойств на постоянно основе требовало совсем другого, более серьёзного подхода. Именно им я и собирался заняться. Оставалось только выяснить, с какой скоростью мой внутренний резерв заполняется.

– День третий. – Вечерний замер дал примерно семьдесят процентов от общего объема магической силы, то есть полное восполнение резерва, при условии равномерной скорости восстановления магической силы, тем самым, происходило за четырнадцать часов. А я, с новыми силами принялся за эксперименты. Какие? А была у меня одна задумка,

создать растение обладающее функцией сторожа. Помните венерину мухоловку, вот я хотел создать нечто похожее, но способное жрать не только мух. А за основу взял, ближайшего родственника произрастающего в России – росянку круглолистную. Мне важно было наличие самого механизма быстрого реагирования растения на касание, ну а остальное достаточно просто было изменить. Пришлось, правда, наоборот, почву в кадке менять на бедную азотом и прочими удобрениями. А затем, я принялся вспоминать базовые взаимодействия.

Во первых, часть волосков на листьях были преобразованы в острые чрезвычайно твердые шипы, словно иглы украшавшие лист по контуру. Внутренние волоски не просто стали выделять липкую жидкость, она стала ещё и весьма сильным, хоть и не летальным контактным ядом, гарантируя на пару дней непередаваемые ощущения в месте попадания.

Подкорректировав параметры ловушки, я принялся увеличивать полученного мутанта вливая ману. Попутно делая листья больше и заставляя их отделяться от обычной розетки на длинных и крепких стеблях полутораметровой длины.

Ману, в итоге, слил всю, досуха, аж до сосушего чувства в груди, но остался весьма довольный полученным результатом. Ну ещё бы, хищный цветочек с десятком украшенных шипами пастей размером с ладонь взрослого человека, плавно раскачивал ими в воздухе, словно приносиваясь. Хотя, в общем-то, механизм действия у них на запах рассчитан и

был.

На меня, любовно прозванная цербером росянка-мутант не рыпалась, ибо чуяла кто тут хозяин и чья магия её создала, а вот любому другому человеку встреча с подобным сторожем дорого обойдётся. Но это в теории. А, как известно, любая теория требует подтверждения практикой. И кандидат на добровольное тестирование у меня как раз был.

Потерев руки, я пододвинул кадку поближе к входу в кабинет, а сам, выйдя в спальню, дверь закрыл и даже провернул в замочной скважине ключ, но словно бы случайно его там “забыл”. А затем, раскидав по кровати одежду из шкафа, вызвал камердинера, и скучным голосом попросил его всё тут прибрать, подчеркнув, что у того есть полчаса, пока я изволю прогуляться. Сам же спрятался в соседней комнате – ещё одной спальне, но пустовавшей.

Оглядевшись, удобно прислонился к двери с внутренней стороны и посмотрел на коммуникатор на руке, прикидывая сколько понадобится Сергеичу времени, чтобы заметить ключ и обнаглеть настолько, чтобы по тихому попытаться пошарить у меня в кабинете. Пять, десять?

Но реальность превзошла все мои ожидания, потому что уже через две минуты, Карл, две, сраных минуты, я услышал сквозь дверь истошный, полный боли и ужаса вопль и приоткрыв створку, как раз успел увидеть пулей пронесшегося по коридору камердинера, продолжавшего истошно орать и прижимать ладони к оголившейся и покрасневшей заднице,

штаны вокруг которой свисали рваными лохмотьями.

Не скрою, злорадно похихикав, с чувством выполненного долга, я вернулся обратно к себе и удовлетворённо покивал, видя как две пасти цветочка усиленно выдирают друг у друга тряпку которая когда-то была частью штанов Сергеича.

– А ну брось, фу, кака! – произнес я, и схватив руками и поднатужившись, вырвал из неохотно раскрывающихся листьев изрядно прожеванный кусок.

Затем, пока Сергеич не вернулся с дорогой маман, до которой сведения об инциденте дойдут обязательно, я принялся уничтожать улики. Тряпка быстро стала перегноем в одном из горшков, а цветочек, параметры которого я прекрасно запомнил, пришлось развоплотить. Вернее не развоплотить, а состарить искусственно, заодно закрепив все его свойства на генетическом уровне и получив пророщенные зародыши, которые я временно рассадил по другим горшкам.

Прибравшись окончательно, уселся в кресло и принялся ждать высокую комиссию. Что Сергеич её приведет, я не сомневался. Странное положение среди слуг, непонятное заступничество великой княгини, всё это намекало, что камердинер тут не случайный человек и есть какая-то история объясняющая почему он такой непотопляемый. Осталось каким-то образом эту историю узнать. Ну а пока можно было и подумать, какой проект реализовать следующим: всё-таки тентакли или попробовать настоящую дриаду вырастить?

После шумихи с Сергеичем, его на время от меня убрали, отправив куда-то там лечиться. Ничего предосудительного не нашли, но уж больно подозрительно на меня смотрела местная безопасница. Мне на это было, по большому счету, чихать, до Мирославы, по чести взглядов, ей было далеко.

А затем случилось то, что я так долго ждал. Лишь на время позабыв с открытием в себе магических способностей. В поместье, наконец, появилась одна моя старая знакомая.

– Ну здравствуй, Марина, – произнес я, спускаясь по широкой винтовой лестнице в фойе, оглядывая затянутую в строгий офицерский мундир женщину. С нашего последнего свидания она ничуть не изменилась, только добавилась еще одна звездочка на погоне, да лицо словно бы сильнее заострилось и построжело. – Или тебя лучше называть госпожа подполковница?

– Здравствуй, курсата Иванов, – дернула губами она в подобии улыбки, отточенным движением снимая фуражку и засовывая её под локоть.

Мне что-то мешало, плюнуть на всю эту словесную шелуху и, бросившись к ней, сжать покрепче в объятьях это шикарное тело. Может чёртовы условности своего нового положения, этот титул и угроза общественного порицания? А может события произошедшие со мной и вычеркнувшие полго-

да моей жизни здесь? Не знаю. Но я никак не мог перебороть ту поразившую меня скованность, стоило мне вновь увидеть знакомый профиль.

Да и сама Марина словно чувствовала себя не в своей тарелке, стараясь, правда, маскировать это под офицерской сдержанностью. Но я же точно знал, какая она горячая, чувственная и раскрепощённая штучка, там, под внешней скорлупой. Нет, эту стену отчуждения нужно было срочно сломать.

Посмотрев на стоявший у ног Ржевской чемодан, поинтересовался, испытующе взглянув ей в глаза, – Так ты надолго?

– Как пойдет, – ответила она, не отводя взгляда. И что-то было в нём такое, что отбросив все сомнения и условности, я шагнул к ней вплотную и схватив за отворот кителя, дернул на себя, впиваясь в её губы жадным поцелуем. Не обращая внимания на застывших слуг, что несомненно доложат о кому надо.

А затем, когда, наконец, оторвались друг от друга, я поинтересовался, – И кем ты сюда?

На что она вновь хитро улыбнулась, а затем ответила, – Официально пока куратой по боевой подготовке в службу охраны поместья.

– А неофициально? – понимающе хмыкнув, уточнил я.

– А неофициально... – она, придвинувшись так, что её грудь буквально упёрлась в меня, произнесла низким чувственным голосом, – неужели ты считал, что сможешь вот

так легко от меня избавиться?

Глава 4

– Не кочегары мы, не плотники, но сожалений горьких нет... – напевал я себе под нос, заколачивая в верхнюю перекладину дверного косяка очередной гвоздь. Настроение у меня было отличное. Вот что значит безудержный секс после месячного воздержания. Первый раз я финишировал как завзятый спринтер: быстро, мощно и с заявкой на мировой рекорд по стометровке, то есть уложился в десять секунд. Но кто сказал, что на этом соревнования закончились? Впереди были ещё километр, три и пять – серьёзные дистанции для серьёзного спортсмена. И без ложной скромности скажу, что и здесь, имейся судебная коллегия, призовые места мне были бы обеспечены.

Вот на полумарафон и марафонскую я решил пока не замахиваться. Без тщательной подготовки можно и здоровье подорвать. Поэтому, закончив весёлые старты, я рукой ухватил Марину за грудь, чтобы не сбежала ненароком, а ногой зацепился за высокое бедро и так и заснул, крепко и без сновидений.

Ну а с утра мне в голову пришла блестящая идея о том, как можно разнообразить наш сексуальный быт, и я с энтузиазмом принялся за монтаж.

– Эм... что ты делаешь?

Я обернулся на проснувшуюся и привставшую на лок-

тях Ржевскую, полюбовался на голую грудь, что вынырнула вслед за ней из-под покрывала, и ответил:

– А это сюрприз. Сейчас всё увидишь, – после чего достал пояса от махровых халатов и, привязав к гвоздям, на свободных концах сделал широкие петли, одни повыше, другие пониже. Обернулся вновь и поманил. – Давай, иди ко мне. Нет, не одевайся.

Подведя девушку к конструкции, скомандовал:

– Вот, руками хватайся за эти петли, а ноги просовывай в эти.

Когда Марина повисла в дверном проходе из спальни в мой кабинет на этих импровизированных секс-качелях, я чуть отошёл, разглядывая её малость удивлённое лицо, а затем, сдёрнув трусы, пристроился между раздвинутых ножек.

– Вот оно что... – протянула она, поглядывая вниз, на мой стояк.

– Ага, – улыбнулся я в ответ. – Решил тут поэкспериментировать, – ладони мои легли поверх женских бёдер. – На таком свободном подвесе можно поддерживать, почти не прилагая усилий, любые амплитуду и частоту, очень плавно.

Подтверждая теорию практикой, я принялся медленно её раскачивать. Слегка подвинулся вперёд, проникая в возбуждённую от необычной позы и учащённо задышавшую девушку, так, чтобы мой член то оказывался практически на свободе, то вдвигался почти на всю глубину.

– Нравится? – спросил с намёком, чувствуя, как мышцы

её тела напрягаются и расслабляются в такт покачиванию.

– Да! – выдохнула Марина, после чего запрокинула голову, закатив глаза, и чуть застонала. – Сильнее!

– Можно и сильнее, – согласился я и, скользнув ладонями дальше, крепко схватил её за ягодицы, чтобы буквально дёрнуть на себя, впечатывая её тело в своё.

– Ох! – послышался грудной стон, а я, плавно отпустив задницу Ржевской, дал ей качнуться назад и вновь проделал тот же манёвр. А затем – ещё раз, и ещё. Чередуя плавное движение назад и резкий рывок вперёд.

Сил на это требовалось немного, ведь основную нагрузку на себя принимала дверная рама, и я мог в таком темпе работать очень долго, растягивая удовольствие, ну и всё больше распаяя партнершу. Тем самым, можно сказать, извинялся за излишне быстрые разы этой ночью.

В какой-то момент почти потеряв контроль Марина принялась выгибаться всем телом, одновременно мелко подрагивая, и я почувствовал, что вот оно, кульминация! Отчего лишь яростнее принялся раскачивать девушку под жалобно заскрипевший от таких упражнений косяк.

Возбуждение с головой накрыло и меня, и я чувствовал, что вот-вот, совсем чуть-чуть – и буквально взорвусь.

Но в этот момент дверь в спальню отворилась, и в гармонию наших тел ворвался, напрочь ломая ритм, свистящий от удивления и пронзительный до омерзения возглас крайне не вовремя возникшего на пороге Сергеича:

– Что б я сдох!

– Ай! – воскликнула от неожиданности Марина, рефлекторно сжав мышцы так, что из меня, словно из проколотого мяча, стал с шумом выходить воздух.

Но только я повернул разъярённое лицо в сторону застывшего с выпученными шарами камердинера, пожирающего глазами продолжающую висеть в подвесах Ржевскую, особенно её грудь с торчащими сосками, покрытую капельками пота, как дверной косяк скрежетнул в последний раз, а затем с треском надломился. Гвозди вырвало, и Марина рухнула прямо на пол. Вместе со мной, ведь я-то был ещё в ней!

А дальше мне показалось, что где-то что-то явственно хрустнуло. Внизу вдруг плеснуло кипятком, да так, что я буквально заорал от боли, после чего расширяющимися глазами уставился на своего верного товарища, застывшего неестественной буквой “Г”.

– Петя! – с нотками паники в голосе воскликнула Ржевская, подпрыгивая на коленях ко мне.

– У-у, а-а, у-у! – завыл я, скрючившись на полу, а член стал стремительно темнеть и опухать, становясь похожим на кривой баклажан. – Сергеич, с-сука!

– Пётр Алексеевич! – забегал вокруг меня камердинер. – Я... я...

– Что “ты”?! Скорую вызывай, гад! – простонал ему в ответ.

Выносили меня из спальни на носилках. Рядом суетилась

наспех одетая Марина и приехавший со скорой врач. Тащили меня две санитарки, и глядя на пунцовое от еле сдерживаемого смеха лицо одной из них, я чувствовал, что подробности моей травмы уже через пять минут после нашего там появления будет знать вся больница. И я не я буду, если какая-нибудь шофёра не придумает мне прозвище навроде “кривой стартер” или чего похожего.

Слава яйцам, поместили меня в отдельную палату, не пришлось краснеть перед другими больными. Лежал я как был – голый, с обколотым обезболивающим опухшим и синюшным другом, накрывшись простынкой и под неё стараясь не заглядывать, чтоб не расстраиваться ещё сильнее. Не переживать я не мог. А ну как всё? И медицина окажется бессильна? Я что же, как говорил один мой знакомый, “останусь просто хорошим человеком”? Нет, лишь бы не импотенция, что угодно, но только не это!

Закрыв глаза, я принялся шептать какие-то бессвязные молитвы всем известным богам, обещая всё что угодно взамен, даже кровавые жертвы. В роли кровавой жертвы неизменно фигурировал Сергеич, которого я собственноручно, пусть и в воображении, успел раз двадцать распять, три раза намотать кишки на столб и разок перерезать глотку, радостно наблюдая за бьющим из шеи кровавым фонтаном.

Образ камердинера, подвергающегося средневековым пыткам, развеяло только появление врача.

В очках, с аккуратной бородкой и усами, он напоминал

скорее не доктора, а учёного, и первым делом, посмотрев на меня с каким-то упрёком во взоре, представился:

– Я уролог-андролог высшей категории, ваш лечащий врач, можете звать меня Витольд Евгеньевич.

Подошёл ближе, приподняв простынку, внимательно оглядел травмированный орган, хмыкнул и присел рядом на стул, закидывая ногу на ногу.

– Доктор, – робко проблеял я, показывая глазами туда, – жить будет?

– Будет, – поджав губы и серьёзно глядя на меня, ответил он, а затем произнёс с укором: – Что ж вы, батенька, не предохраняетесь?

– А? – уставился я на него, пытаюсь найти связь между переломом члена и презервативами. Впрочем, последних я тут вообще не видел, отчего вопрос врача становился лишь более непонятным.

– Я говорю, почему вы с женой решили от эликсира отказаться?

Понимать хоть что-нибудь я стал ещё меньше, но поправил:

– Доктор, я пока не женат.

Витольд Евгеньевич нахмурился и, потянувшись, достал мою карту, лежащую в изголовье кровати. Полистав её, с сомнением озвучил:

– Об изнасиловании не упоминается, да и справки дежурной офицеры нет.

– Это было не изнасилование, – пояснил ему терпеливо. – Я был... гм... со своей девушкой.

– Понятно... – протянул врач, убирая обратно планшетку, после чего поинтересовался: – Вступить с ней в половую связь было её инициативой? – и сразу следом: – Ваши родители в курсе подобной связи?

Тут до меня допёрло, к чему он клонит, и я принялся горячо возражать:

– Док, вы даже не думайте, у нас всё по обоюдному, и вообще, это я её... – тут я запнулся, думая, как бы точнее выразить словами наши отношения. – В общем, у нас с ней давно, и все всё знают.

– Хм... ну ладно, – не слишком убеждённый моими словами, откликнулся мужчина, а затем, вычленив главное, спросил опять: – Если вы, как говорите, находитесь в давней половой связи, то почему не употребляете эликсир? Вы планируете заводить детей? Но тогда ваша подруга должна была действовать менее... активно.

– Послушайте, док, – я даже привстал на кровати, забыв про дискомфорт внизу живота, – эликсир я конечно раньше употреблял, но зачем он мне, если у меня и так большой... был, – я вновь посмотрел на скрытого простынёй раненого боевого товарища. – К тому же, на моих девушек у меня и так прекрасно встаёт... вставало. Им вполне хватало. Детей я конкретно с этой не планировал... хотя один раз планировал с другой, и там пока не знаю, но, возможно, кто-то и есть.

Но в целом не планирую, если вы про сейчас. А что до активности, то скажу так, доктор: редко какая женщина в этом деле может быть активнее меня.

Выпалив всё это на одном дыхании, я глубоко вздохнул и выжидательно посмотрел на врача. Тот молча снял очки, достал платок и несколько раз тщательно протёр стекла, после чего, водрузив окуляры на нос, снова посмотрел на меня. Вздохнул.

– Нет, нам положительно надо будет с вами хорошенько побеседовать. О половой жизни, о беспорядочных половых связях и том, чем они грозят. Но не сейчас. Пока вернёмся к эликсиру. Петр Алексеевич, – очки Витольда Евгеньевича блеснули, – как по-вашему, кому и для чего нужен эликсир?

– Ну, – потёр я подбородок, – в первую очередь, конечно, женщинам. Чтобы у мужика стояло. Чтобы его трахнуть можно было.

– Мда... – врач опять вздохнул и покачал головой. – Коллеги успели меня просветить насчёт вас, всё-таки вы достаточно известная личность – нечасто объявляется пропавший без вести великий князь. Но я не думал, что всё настолько запущено.

Помолчав с минуту, он пробормотал:

– С чего бы начать... – затем сощурился, отводя взгляд в сторону, и внезапно спросил: – Как думаете, сколько мужчин получали травму, подобную вашей, до изобретения эликсира в тысяча девятьсот сорок девятом году?

– Не знаю, – ответил я.

– Почти пятьдесят процентов. Каждый второй, – сообщил мне врач. – А после изобретения?

– Меньше? – предположил я.

– Намного, – кивнул собеседник, – менее одной десятой процента.

– Ого!

– Да, именно, – взгляд Витольда Евгеньевича вернулся ко мне. – Хоть производится он с помощью магических манипуляций и официально называется “эликсиром Блаватской” по фамилии женщины, впервые его создавшей, но фактически автором является её муж Фёдор Игнатьевич Блаватский, доктор медицинских наук и весьма известная в узких кругах личность. За это изобретение его жена получила императорскую премию, а сам Фёдор Игнатьевич – благодарность и признательность всех мужчин, и не только империи. Но не в этом суть. Главное то, что эликсир выполняет две функции. Первая – это увеличение длины полового члена, потому как львиная доля травм происходит, когда мужчина находится в классической миссионерской позиции снизу, а женщина – на нём, сверху, и двигается слишком интенсивно и с большой амплитудой. Сами понимаете, чем длиннее, тем сложнее ей с него соскочить.

Я хмыкнул, кивнул, соглашаясь, а врач продолжил:

– Вторая же – это придание пещеристому телу большей эластичности. Соответственно, даже если инцидент про-

изойдёт, то ничего кроме секундного дискомфорта вы не почувствуете и подобной травмы не получите. Впрочем, у препарата обнаружилось одно побочное действие, которое в дальнейшем сохранили как третью и довольно немаловажную функцию – это полная контрацепция во время и на некоторый период после применения.

– Так вот вы о чём говорили, – прозрел я.

– Да, – кивнул врач. – Однако сейчас функция контрацепции в общественном сознании занимает даже более сильное место, чем остальные свойства эликсира.

– Хм... – я почесал затылок. – Понятно, почему я про залёты не слышал в гареме.

– Что? – переспросил Витольд Евгеньевич.

– Да я говорю, что когда был наложником в гареме, все женщины регулярно спали с парнями, но беременных я не видел, – объяснил я. – Выходит, это всё из-за эликсира?

– Правильно, – подтвердил мужчина.

– Значит, – принялся я рассуждать вслух, – если хотят забеременеть, то эликсир перестают употреблять?

– Верно, но тогда женщине нужно действовать намного осторожнее.

– Это же, – прикинул я, – сколько раз я своим хозяйством рисковал?!

А затем до меня внезапно дошло, чем я рисковал вдобавок ещё.

– Погоди-ка, док, – осипшим от волнения голосом начал

я, хватая того за рукав халата, – это что получается, каждая, которую я без эликсира, она что, беременная теперь?

– Ну, – посмотрел он на меня с некоторой иронией во взгляде, – женскую физиологию тоже не стоит отмечать, период овуляции и прочие моменты, которые вам знать, в общем-то, незачем. Так что не факт, что беременные, но возможность такая существует.

– Вот блин... – пробормотал я, находясь в некоторой прострации от неожиданного открытия. – Неужели я многодетным отцом стану?

– Не драматизируйте, – улыбнулся Витольд Евгеньевич, – как я и сказал, тут необходимо совпадение нескольких факторов. Сколько у вас ещё таких девушек было, с кем вы вступали в контакт без эликсира?

На секунду задумавшись, я прикинул на пальцах, после чего уверенно заявил:

– Шесть точно!

Врач поперхнулся, взявшись за узел галстука, покрутил шеей, словно тот внезапно стал ему давить, и наконец с каким-то изумлённо-восхищённым хмыком прокомментировал:

– Да уж, вы умеете удивлять.

– Да я и сам удивлён, – буркнул ему в ответ, не разделяя восторгов.

– Ладно, – Витольд Евгеньевич поднялся с места, оправил халат и уже по-деловому заявил, – ситуация с вами мне

ясна. Мы вас вылечим, не переживайте, но на будущее всё-таки настоятельно рекомендую не пренебрегать средствами защиты. К выздоровлению рецепт для приобретения в аптеке я вам выпишу, а пока отдыхайте. У вас сегодня был тяжёлый день, поэтому советую поспать. Заодно и лечение быстрее пойдёт.

Означенное лечение длилось около недели, за которую мой такой дорогой мне прибор смогли восстановить до состояния “как было”, тем самым несколько умерив мою кровожадность в отношении проклятого Сергеича. И я более не жаждал его непременно четвертовать, хотя наказать за вхождение без стука стоило. В конце концов, сам виноват. Пренебрёг, что называется, всеми мерами техники безопасности.

За эту неделю меня один раз, произведя фурор в больнице, навестили титулованные родители и сестра, что хоть и сумела сдержать смех, но глаза её выдали с головой, а также Марина. Видя в её взгляде чувство вины, как мог успокоил, сказав, в общем-то, правду о том, что в случившемся её вины нет ни грамма. Вроде получилось.

Но ничего, больше я таких ошибок совершать был не намерен, потому, когда к воротам клиники подкатил чёрный внедорожник великокняжеской четы, я, поздоровавшись с шофёрой, первым делом приказал ехать в аптеку.

Ах да, провожать меня вышли чуть ли не все мужчины-врачи, пожимая руку и говоря напутственные слова. Витольд Евгеньевич, гад такой, уговорил меня побыть темой

для какого-то его доклада и черновой вариант обкатал на коллегам, после чего те прониклись ко мне небывалым интересом и частенько, прятая улыбки, заглядывали в палату.

Глаза шофёры, когда я притащил из аптеки две полные картонные коробки эликсира, надо было видеть, но ничего не сказав и только негромко присвистнув, она повезла меня обратно в поместье, где я собирался провести с нежданно обрётёнными родителями серьёзный разговор.

Великую княгиню с великим князем я нашёл в малой гостиной, где те изволили попивать чай, и, плюхнувшись на диван рядом, мрачно спросил:

– Почему из всего того списка, что я вам отдавал, появилась лишь одна Марина?

– Марина? А, это та, – улыбнулась княгиня.

– Да, та, – ответил я. – Так всё-таки, почему именно она?

– Ну, просто наверное у остальных есть свои дела.

– А может, причина в другом? – сощурился я. – Руслана, Мирослава, Илана, Светлана, Виктория, Кристина... Все, кто не смог приехать. Скажите честно, сколько из них беременны?

От меня не укрылось то, как стремительно переглянулись князь с княгиней. А дальше моя “мать”, секунду подумав, решительно отставила кружку, выпрямившись и, прямо взглянув мне в глаза, по-офицерски коротко и твёрдо сообщила:

– Все.

Хорошо, что я сидел, по крайней мере, секундная сла-

бость в ногах прошла незамеченной. Сглотнул, выдохнул с шумом и, помассировав лоб, устало проговорил:

– Нда, вы умеете обрадовать.

– Ты сам спросил, – пожала плечами княгиня. – Хотя нет, я слегка ошиблась, – женщина улыбнулась, – боярыня Златолесская уже успела родить, так что поздравляю тебя с дочкой, – она посмотрела на мужа с хитринкой в глазах, – а нас – с внучкой.

– И почему я узнаю это только сейчас? – произнёс я в пустоту перед собой.

– Потому что врачи настоятельно рекомендовали излишне тебя не волновать.

– И где сейчас остальные девчонки?

– Потихоньку готовятся к родам – у кого семь, а у кого почти девяти месяцев...

– Какая же жесть... – тихо пробормотал я, массируя виски.

Глава 5

– Здравствуй.

Марину я нашел в привычном взгляду пилотном комбинезоне, в гараже поместья, сосредоточенно просматривающей какие-то документы возле крупных металлических контейнеров, выгруженных прямо на бетонный пол. Улыбнулся, стремительно развернувшейся на голос девушке, поинтересовался, – Занята? – показав глазами на новую деталь интерьера.

– Не для тебя, – справившись с секундным волнением, Ржевская тряхнула чуть растрепавшимся хвостом волос и решительно, в несколько стремительных шагов, сократив до нуля расстояние между нами, схватила, притягивая к себе и жадно впиваясь долгим поцелуем.

Противиться я не стал, тем более сам хотел сделать что-то подобное, но Марина опередила. Отстранился, переводя дух, довольный тем, что пока целовались, всласть успел пожать крепкую задницу партнерши.

Всё-таки это для женщин поцелуй может быть самодостаточным действием, для мужчины, такого как я, поцелуй лишь дополнение к чему-то ещё. Вот когда целуешь и одновременно сжимаешь в ладонях её грудь или попку, вот это да – хороший поцелуй. А ещё лучше, если и сам внутри неё в это время находишься. Да... Но поговорить я хотел немного о

другом.

– Что это там у тебя? – вновь показал я на ящики.

– Да так, пока секрет. – Подполковница улыбнулась, не спеша убирать руки, спросила сама, – Ты что-то ещё хотел?

– Да, – став вновь серьезным, и ещё раз вспомнив разговор с “родителями”, взглянул в глаза девушки, – ты знала?

– О чем?

– О остальных, с кем у меня было.

– Что они от тебя...

– Да.

– Знала.

Мы смотрели в глаза друг-друга и нам не надо было договаривать, всё понималось с полуслова.

– Прости, мне запретили тебе говорить.

– Нет, это ты меня прости, – ответил я, решительно беря за талию и притягивая Марину к себе.

– За что? – веки её на секунду распахнулись шире, в легком удивлении.

– За то, что не подарил тебе то, что дал им, – ответил я серьезно.

– Но у тебя и так, – девушка грустно и одновременно иронично хмыкнула, – скоро шесть детей будет.

– Тем более, – с каким-то даже весельем произнес я, – одним больше, одним меньше...

Она попыталась дёрнуться назад, но я удержал. Напрягая все мышцы, конечно, но удержал, не дав вырваться, сказал

уже без шуток, – Марин, я действительно хочу сделать тебе ребёнка, если конечно, ты сама этого хочешь. И сделал бы его тебе раньше, если бы знал заранее. Ну что, ты согласна?

На несколько долгих мгновений мы замерли в неустойчивом равновесии, её сила противодействия уравнивалась моей, а затем она прекратила сопротивляться, легко подняла меня в воздух, прижала к себе и закружила.

– Конечно согласна, – произнесла она, опустив меня обратно на землю, улыбаясь самой счастливой улыбкой какую я только у неё видел, – пусть мужитьба мне не светит, но девочка рожденная от тебя будет сильной и смелой, я уверена.

– А если мальчик? – не смог не задать я провокационный вопрос.

– Мальчика похожего на тебя я буду любить всем сердцем, – проникновенно заявила Ржевская – и отдам только той, которая действительно его заслужит.

– Понятно... – протянул я, в который раз поражаясь вывертам местного сознания. Мысли, что парень выберет себе подругу сам, у неё даже не возникало. – Ладно, пошли.

– Куда?

– Куда-куда, – проворчал я, разворачиваясь и таща подполковницу за собой, – ребёнка тебе делать будем.

– Сейчас?! – глаза девушки стали ещё больше.

– А чего тянуть? Мужик сказал, мужик сделал.

Беременность штука сложная, в том плане, что с первого раза, да и не с первого, с Мариной же мы ни единожды оказывались в одной постели, может результата и не дать, поэтому всю неделю я как ответственный человек, наполнял Марину, гм... – радостью будущего материнства.

Но делал всё не торопясь, так сказать, бережно относясь к вверенному мне природой хозяйству, чтобы снова не загрязнить на больничную койку.

Единственно, сначала надо было провести сеанс воспитательной работы с гражданином камердинером.

Неосторожно заглянувшего в полумрак подсобки Сергеича в мгновение ока спеленали гибкие и крепкие лозы моего нового творения. Глаза плотно залепило широким и плотным листом на конце ещё одной лианы, а в раскрывшийся было для крика рот, безжалостно воткнулся толстый бугристый кляп, заставив того истошно замычать.

Перевернув вверх тормашками, растение подвесило мужчину под потолком, а я, оттирая руки от земли ветошью, посмотрел на брыкающегося и пытающегося освободиться камердинера и, похлопав того по плечу крепко прижатой к телу руки, вышел и плотно прикрыл за собой дверь.

Прислушался, но ни единого звука не проникало снаружи. Вздохнул, жаль было, конечно, потраченных сил, но что по-

делать, отучать от привычки шариться где ни попадя, Сергеича надо было. Ничего, повисит с полчаса, лианы с ним слегка пошалают, а затем механизм самоуничтожения не оставит от моего зелёного тентаклемонстра ничего кроме тонкого слоя пыли.

Княгиня с князем вновь уехали по каким-то своим делам, сестра отбыла в войска и поместье было предоставлено в моё почти полное владение. Соответственно ничто не мешало мне заниматься саморазвитием.

Во первых прокачка своего магического потенциала. Если в первый раз объём резерва у меня был приблизительно равен двадцати трем единицам, то через неделю тренировок он уж достигал двадцати пяти, а средний расход вырос с один, семьдесят восемь, до один, девяносто два.

Не бог весть какая прибавка, но это было всего за неделю. Тем более мои тренировки, по сути, только начались и я продолжал выуживать из памяти методики работы с эльфийской магией.

Но не всё подходило конкретно мне, вот к примеру, я точно помнил, что эльфийки могли подпитываться от деревьев жизненной энергией. И даже очищаться с их помощью от ядов. Но они, грубо говоря, соединяли свою кровеносную систему с системой циркуляции древесных соков, прокачивая их через себя. Что будет со мной, если я вместо крови закачаю себе берёзовый сок, проверять не хотелось, потому что биологию я мало-мало но помнил, в том числе и про

функцию красных кровяных телец. Берёзовый сок, каким бы полезным не был, переносить кислород от легких к органам просто неспособен.

Как сами эльфийки от этого не помирали я не знаю. Впрочем, строение эльфийских тел я тоже не изучал, может у них там питание кислородом идёт по иному принципу.

Именно поэтом отпадало и использование специальных эльфийских костюмов из живых растений, облегающих всё тело и выполнявших функцию защиты от недружественной внешней среды. Они тоже соединялись с организмом носителя, и проверять что произойдет со мной в процессе такого соединения, мне не хотелось. Хотя, в целом, идея была интересной, оставалось понять как её реализовать безопасно для себя. Тонкий и плотный слой живой органической материи не просто регулировал температуру тела, отводил и перерабатывал пот, но в теории мог даже остановить пули, например такие, какими в меня стреляла Арина и это было куда интересней громоздкого броника.

Из полезного я смог воспроизвести запутывающую бомбу. Этакое здоровенное семечко с пол ладони размером, что при активации мгновенно прорастало, пробивая толстым и крепким корнем любую поверхность, даже железобетонные перекрытия на глубину до шести метров и резко разрасталось оплетая длинными и прочными отростками всё в радиусе метров трех вокруг себя.

Ну и заклинания. Ножи-травы это было самое простое,

куда большего труда потребовало воспроизведение такого весьма спорного заклинания, как споровый зомби. Для этого мне всего-лишь нужны были споры грибов имеющие способность паразитировать на живых существах. Здесь мне подошли грибы рода Кордицепс. Лучше конечно Кордицепс однобокий, он требовал меньше всего вмешательства для дальнейшей адаптации под себя, но за неимением такового в России, пришлось искать в ближайшем лесу Кордицепс вооруженный. Впрочем яркие оранжевые палочки торчащие из гниющего опада, я нашел быстро.

Если, вдруг, кто-то решил, что я непонятно с чего стал экспертом-ботаником, спешу разочаровать, владение эльфийской магией меня знатоком растительного и грибного мира Земли не сделало. Но, никто не отменял наличия сети ГИС и свой аналог Википедии там тоже имелся, в том числе и интересующие научные статьи.

Но вернемся к заклинанию. В чем суть магической системы? В том, что если должным образом запомнить, так сказать, энерго-информационную составляющую растения, то её можно воспроизвести на одной магии – внедрив в любое живое существо, лишь бы растение умело пользоваться ресурсами предоставленного тела для роста. Но, нужно было сначала практическим путем обкатать образцы.

Сергеича пустить на опыты было заманчиво, но одно дело откусить ему пол задницы, что смешно и весело, и в принципе не особо опасно, и совсем другое конкретно отправить

в расход. Не поймут-с.

Впрочем подопытные для меня нашлись быстро. Полудика кошка – Машка, что постоянно инспектировала окрестности парка, стабильно таскала пойманных и задушенных мышей к задней двери кухни, где выкладывала рядком, ожидая когда ей за это дадут чего-нибудь повкусней.

Шеф-повариха Машку любила и никогда ей в этом не отказывала, а мелкий поваренок, брезгливо морщась, сметал мышей в совок и выкидывал в мусорный бак.

Все это я подсмотрел в одну из своих ежедневных прогулок и теперь присматривался к бакам, прикидывая как мне достать оттуда мышиные трупы для опытов. Так толком ничего и не придумал. Поэтому, одевшись попроще и дождавшись сумерек, поперся к бакам. Оглядевшись пару раз в поисках случайных свидетелей, решительно перегнулся через борт и принялся быстро рукой в перчатке хватать трупики за хвосты и закидывать в припасенный заблаговременно пакет. Набрал пять штук, быстро ретировался обратно к дому и уже там, еще раз оглядевшись, и вновь не заметив ничего подозрительного, выдохнул и уже спокойно направился к себе, пора было начинать эксперименты.

* * *

Вылезая из кустов, Сергеич, еще раз подозрительно прислушался, но молодой господин ушел и больше, похоже, не

собирался возвращаться к мусорке. Его мусорке, между прочим. Только он, по обыкновению, решил изучить её содержимое на предмет интересных находок, как чуть не столкнулся с недавно найденным сыном великой княгини. Вид того, как князь роется в баке, поразил мужчину в самое сердце. И это тогда, когда он узнал, что одна из женщин усадьбы выкинула свой бюстгальтер! А если князь уже успел прибрать его к рукам?!

Не в силах больше сдерживаться, камердинер в несколько прыжков достиг баков и буквально нырнул в первый из них, зарываясь в мусор с головой. Пару минут из контейнера торчали только его худые дрыгающиеся ноги, но затем, весьма довольный он вынырнул обратно и потряс выуженным бюстгальтером в воздухе. Прижал к себе, промурлыкал – Моя прелесть.

То, что князь не смог первым найти ценную вещь, его обрадовало и, отчасти, заставило гордиться собой.

Как и в любом деле, тут важен опыт. Месяцы и годы тренировок, долгие наблюдения за тем с какой скоростью наполняются баки, знание того кто из слуг куда выкидывает чаще, частота вывоза с территории, скорость слёживания мусора, всё это позволяло Сергеичу угадывать не только глубину нахождения искомого, но даже угол бака, в котором вещь окажется с наибольшей вероятностью. Куда до него молодому хозяину, который тут и месяца не пробыл.

Вот только закрутившиеся вокруг князя мысли внезап-

но натолкнули камердинера на череду умозаключений. Все эти странные события происходившие с ним, реакция Петра Алексеевича на его невинное увлечение, попытки догнать и отобрать честно найденное, всё это внезапно в мозгу Сергееича сложилось в цельную картину, от которой он буквально мысленно ахнул.

Вдруг всё стало кристально ясно и понятно, – молодой хозяин просто устранял конкурента, потому что сам, сам! хотел прибрать к рукам все эти вещи.

Мужчина неверяще взглянул на честно добытый бюст-гальтер, а затем прижал его крепко-крепко к груди. Прошептал, – Нет, не отдам. – А затем, решительно сжав губы и сощурившись, добавил, – Сергееичи так просто не сдаются. Я буду бороться до конца!

Запустив руку в бак, он выудил оттуда кусок красной атласной ленты, повязал поверх лба, затянув узел на затылке и отпустил концы, тут же затрепетавшие на ветру.

Тишину разорвал резкий короткий, на выдохе, вскрик – Хаджиме! А затем долговязая фигура камердинера мелькнула в слабом свете фонарей и вновь скрылась в кустах. Сергееич вышел на тропу войны.

* * *

Увлечение магией захлестнуло меня с головой, но о находящихся где-то там девчонках я не забывал. И больше всего

меня беспокоил как их статус так и статус ещё нерожденных детей. Если с Златолесской всё было более-менее понятно, она боярыня, я продолжаю считаться её фаворитом и воей, и девочка, блин, даже не знаю как её звать, там вполне нормальная наследница, если магический дар не подкачал, то с остальными было не вполне ясно.

Кстати да, не смотря на моё признание князем, мой статус в роду Златолесских никакому изменению не подлежал. Родовые законы они такие – древние.

Когда я попробовал добиться встречи со всеми будущими матерями моих детей, то неожиданно получил весьма жесткий отказ, беспокоить рожениц своим внезапным воскрешением, пусть не из мертвых, но из комы, категорически не рекомендовалось. Мало-ли, вдруг от сильных эмоций там не так чего пойдет. Поэтому только после родов и никак иначе.

Удивившись, начал выяснять дальше и внезапно узнал, что я, оказывается, для всех посторонних, всё еще нахожусь в коме, а о моем чудесном исцелении знают совсем немного человек. Ровно те, кому дозволили титулованные родители и Имперская Канцелярия.

Даже журналисты, эти пронырливые граждане и те были в полном неведении. А вернее, если и были, то молчали в тряпочку, чтобы потом не сесть лет на двадцать в места не столь отдаленные. Всё что касалось императорской семьи и ближайших родственников, тут без одобрения Канцелярии априори считалось информацией под грифом. Разглашать

себе дороже, в общем.

И тогда я решился на повторный разговор. Дождавшись, когда “родители” вернуться из очередной поездки, вновь поймал их в малой гостиной.

Тяжелые двери сомкнулись за моей спиной, кивнув великой княгине, я прошел мимо чайного столика, ухватил, не удержавшись, сахарную печенку, тут же схрумкав, и упал в угол диванчика, раскинув руки на подлокотник и спинку.

– Что-то хотел, Петя? – поинтересовалась женщина, облачённая в старомодный полковничий мундир с кучей украшавших грудь орденов и медалей. Мероприятие было важным, государственным и, что немаловажно, историческим. Собственно поэтому и такой наряд. Закинув ногу на ногу, в черных ботфортах выше колен, женщина смотрелась весьма импозантно.

– Да хотел ещё раз насчет девушек поговорить. – Я посмотрел на замершего у стеллажей с книгами мужчину.

Великий князь Алексей тоже был в классическом костюме тройке, они оба ещё не успели переодеться, и занимал свою любимую позицию – возле книг. Опершись ладонью о полку, он бросил короткий взгляд на жену, затем чуть кивнул мне и улыбнулся, подбадривая. Я дернул кончиками губ в ответ, всё-таки мужик он был неплохой.

– Если ты о том чтобы встретиться, то прошу тебя, Петя, подожди немного.

– Я не об этом, – мотнув головой, я убрал руки с дивана,

выпрямляясь и опираясь ладонями о колени, – я хочу поговорить о том, что будет, когда все дети родятся.

– Если ты переживаешь, что они будут тебя как-то обременять, спешу заверить, они были зачаты не в браке и, формально, никаких претензий к тебе быть не может. – Княгиня развязала шейный бант, ослабив горло тугого мундира, бросила тот небрежно на столик, взамен взяв тонкую фарфоровую кружку, чуть отпила.

– Вот именно, – буркнул я, – формально никаких претензий и непонятно где и как дети растут без отца.

– Это, – вздохнула в ответ женщина, – на самом деле, не такая уж редкая практика. Мужчин не хватает, далеко не каждая может позволить себе ребенка в браке. Заводят детей по разному, но весьма немалое их количество воспитывается только матерями. Правда, обычно на такое решаются уже зрелые, состоявшиеся женщины, которые могут себе позволить обеспечивать ребёнка. Опять же, это норма. Соотношение один к десяти, что тут еще придумаешь.

– А меня такое не устраивает, – заиграв желваками, произнес я, – тем более назвать моих сокурсниц состоявшимися женщинами вряд-ли кто-то сможет. Что, кстати, будет с их учёбой?

– Ничего, – как-то буднично произнесла княгиня, – учиться в академии и служить, имея маленького ребенка, они уже не смогут. Придется им искать что-то иное.

– Ну зае... – произнес я не сдерживаясь.

– Пётр, – с легким возмущением в голосе подключился князь Алексей, – что за обценная лексика! Держи себя в руках.

– Да как тут удержишь, – возмутился я, – а Илана, она тоже не бог весть какая состоявшаяся. Это что получается, я им не радость, а какой-то геморрой подкинул?! Нет, так не пойдет.

– И что ты предлагаешь? – резонно поинтересовалась женщина.

– Я?! – поднявшись, я оглядел обоих “родителей”, – я предлагаю всех их собрать сюда. Если надо, я готов на всех них жениться. Но мои дети, непонятно где и как жить не будут!

Посмотрев на замолчавших и переглянувшихся великих княгиню и князя, добавил, уже тише, – Поместье большое, комнат на всех хватит, я посчитал.

Глава 6

Честно сказать, но требуя у великой княгини, поселить всех девчонок в поместье и взять, так сказать, на довольствие, я подсознательно ожидал жесткого отказа, но, внезапно та согласилась, не смотря на некоторую аморальность подобного совместного проживания.

На мой, осторожный вопрос про скрепы и устои, – оба и княгиня и князь дружно зафыркали и спросили, а как с этой точки зрения смотрится наличие детей от стольких разных женщин?

Понял, не дурак. Дурак бы не понял. Правда, после разговора осталось лёгкое послевкусие намеренных манипуляций неопытным мною. Слишком всё хорошо прошло. То ли меня просчитали, то ли сами давно решили что-то подобное проверить, дожидаясь от меня лишь правильной реакции. В общем, подозрительно легко согласилась княгиня на все мои требования. Что немного даже огорчило.

Пара месяцев пролетела быстро.

Подготовка поместья была практически проведена, дополнительные слуги наняты, оставалось только ждать. С детьми конечно, раньше, я особо дела не имел, ни в том мире, ни в этом, но опыт ответственного управления, пусть и во сне, во время комы, крупным женским коллективом у меня был, поэтому я был полон сдержанного оптимизма.

Ах да, Марина забеременеть смогла, правда, оказалось, что проблема была не совсем во мне. Чего-то у неё в организме не хватало. Но после курса волшебных таблеток, прорыв произошёл и теперь Ржевская могла с полным правом говорить, что она бурундук, – две полоски имелось.

Но первой, если не считать Марины, ко мне нагрянула моя боярыня Златолесская. Так было правильно на мой взгляд.

Встречал я её стоя на широком крыльце, в окружении слуг, чувствуя как начинаю волноваться. Но когда, статная, пышногрудая и крутобёдрая боярыня легко выпорхнув с заднего сиденья внедорожника, повернулась и наши глаза встретились, то там я увидел одновременно и любовь и радость и даже чуточку грусти, отчего всё моё волнение мигом улетучилось.

Подойдя ко мне, затянутая в строгий, но явно дорогуший деловой костюм, она внезапно, когда оставалось всего пару шагов, остановилась и и склонив голову, своим бархатым и одновременно сильным голосом произнесла, – Великий князь!

Вот только и я, стоило ей разогнуться, склонился в ответном поклоне, ответив, – Моя госпожа!

Прищурившись, встретился с её слегка удивлённым взглядом, не удержался и шагнув навстречу, приобнял, чуть не зарывшись носом в монументальный бюст Русланы, сказал, со смешком, – Где бы и кем бы я не был, первую очередь, я твой фаворит и воя.

Боярыне я и вправду был благодарен за всё то, что она делала для меня. Да, вроде как и рабом был, по сути. Но ведь как сыр в масле катался, имел что хотел. Меня тоже имели, конечно, но я этого тоже хотел. Кто скажет, что легкий и ненавязчивый секс без обязательств, с разными девушками, пусть и с прыжками из постели в постель, это плохо, тот ханжа и лицемер. Тем более, что все красотки как на подбор. И хоть ищи страшенькую – а нету. Ни одной.

– Ох, Петя, шалун! – в голосе Златолесской послышалось такое удовольствие, что у меня, от предвкушения общения с ней аж мурашки по коже побежали. Стоило ли говорить, что я мгновенно, наплевав на приличия, потащил Руслану к себе в спальню и дальнейшая наша встреча проходила при закрытых дверях, так сказать, в приватном формате.

* * *

– Как встретили боярыню Златолесскую? – поинтересовалась великая княгиня, заметив припаркованный возле имения посторонний автомобиль. Так уж вышло, что срочные дела хозяйку поместья с мужем слегка задержали и участвовать в встрече гости они не смогли.

– Хорошо, – наклонила голову камеристка, крепкая дама с повадками прапорщицы десантно-штурмовых войск, заведовавшая, в том числе и остальными слугами в доме. Но подойдя ближе к великой княгине, добавила чуть тише, до-

ждавшись, когда та примет поданную великим князем руку и поможет тому выйти из машины, – Единственно, как и с первой гостьей, с боярыней он тут же уединился у себя.

– Мда, – супруги переглянулись между собой. – Что улыбаешься?! – спросила княгиня мужа, сама едва пряча лезущую на лицо скабресную ухмылку, – давай решать, кто будет мальчику объяснять, что сходу прыгать в койку, пусть даже и с настолько хорошо знакомой дамой, это не самый, с точки зрения этикета, правильный поступок.

– Знаешь, Лен, – произнес тот задумчиво, – а я ему, в чем-то даже завидую. Насолько быть свободным от условностей, раскрепощённым и уверенным в себе...

– Что, тоже так хочешь?

Что-то такое просквозило в голосе великой княгини, что замечтавшийся на миг, мужчина тут же спохватился и быстро добавил, – Ну что ты, Лен, для меня ты одна единственная, мне других не надо.

– Вот-вот, – удовлетворённо кивнула та. – А мальчику объяснишь, в конце-концов, что у нас тут приличное поместье, а не дом свиданий, да и он, как-никак великий князь, должен соответствовать. Ты думаешь, мне уже о мужитьбе не намекали другие благородные рода? Да, у него скоро вопрос с зажёнством решится, да так, что ор на всю Россию стоять будет. Но всё равно, ему скоро на приёмы ходить. А там сам же знаешь, девкам молодым только дай намёки разные скабресные мальчикам поотпускать. А если он возьмёт

и согласится? В общем, объясни, что для интимных встреч есть время ночное, а в дневное всё должно быть благопристойно.

– Это пока, – тихо пробормотал её муж, – вот приедут остальные пять девок, вот тогда и посмотрим, что от этого благопристойства останется.

* * *

– В общем так...

Мы лежали в моей большой кровати, я водил пальчиком по упругому животу Русланы и рассказывал о своих планах.

– Ситуация сложная, но вариант есть. Я решил всех взять в жёны.

Атмосфера сразу перестала быть томной, а боярыня, распахнув глаза, слегка приподнялась и вновь с изумлением на меня посмотрела. Не с гневом, не с обидой, просто удивленно – я успел это отметить, а значит, можно продолжать.

– Да, в жёны. Просто не хочу чтобы мои дети росли, ну, безотцовщинами, что-ли. Да и девушкам помочь надо.

Златолесская только покачала головой, опустилась обратно на подушку, произнесла, – Не будут они безотцовщинами, отчество получают какое надо. К тому же, как ты себе это представляешь, сказано же в семейном кодексе, что брак это союз мужчины и женщины и что брак запрещён если один из них уже состоит в браке. А ты хочешь жениться на сколько,

шести?

– Семи, – улыбнулся я.

– Мда, семи. Ну женишься ты на первой, на второй уже жениться не позволит кодекс.

– Почему же? – снова улыбнулся я.

– Я же объясняю, – терпеливо повторила Руслана, – со второй брак заключить не дадут, так как зарегистрирован уже первый брак.

– Но, как всегда, есть один нюанс, – поднял я вверх палец, ничуть не смущённый апеллированием к закону, – на текущий момент, ни ты, ни я, ни одна из остальных девушек, в браке не состоим, а значит всем нам кодекс позволяет право вступления в брак.

– Но... – снова попыталась возразить Златолесская, но я ей не дал, коснувшись коралловых губок указательным пальцем.

– Просто все вместе мы вступим в брак одновременно. Союз семи женщин и одного мужчины. Одновременно, в один брак, так что формально, кодекс нарушен не будет.

Пару минут та сказанное переваривала, задумчиво хлопая ресницами, а затем помотала головой, с пробившимся смехом произнесла, – Ну ты и выдумщик, Петя. Но про семерых женщин и себя, красиво расписал, прямо как в сказке средневековой.

– Это какой, – заинтересовался я.

– Белоснеж и семь гномих, – ответила Руслана, а я, от

неожиданности, закашлял. Переспросил, – Как-как?

– Точно, ты же память терял, бедный мой великий князь. – Потянувшись, она чмокнула меня в губы сказала с лёгкой полуулыбкой, – Ну ничего, я тебе вкратце расскажу. Только сказка средневековая, а там нравы, как тебе сказать, были попроще и пожостче, что-ли. В общем, жила когда-то мудрая и добрая королева, ну как добрая, на кол не сажала и неугодных через одного не вешала, уже, сам понимаешь, для тех времён прогресс. И был у этой королевы, от первого брака сын, названный Белоснежем за цвет кожи. Но отец и соответственно муж королевы скоропостижно скончался при родах...

– Это как?! – разинув рот, перебил я Руслану.

– Сердце не выдержало, – объяснила та, – только и успел, что принять новорожденного от повитухи на руки да поцеловать. И всё – рухнул замертво.

– Дела-а... – протянул я, чеша затылок, – Ребёнок-то не пострадал?

– Не пострадал, – успокоила меня боярыня, – но хоть и сказка, но не просто так мужьям запрещают на родах присутствовать. В общем, слушай дальше. Долго горевала королева, но лет пять спустя, на охоте, повстречала юношу неземной красоты, влюбившись в того и привезя в замок, где, вскоре сыграли свадьбу и юноша стал королём.

Вот только не влюбил он пасынка, но до поры до времени не обращал на того внимания, пока не прошло десять лет, и

Белоснеж из милого ребёнка не превратился в юношу куда красивее даже Злого короля.

Хмыкнув, я вспомнил нашу сказку и понял, что сюжет пока особо не отличается, поэтому слушал в полуха, встрепенулся когда боярыня дошла до бегства паренька:

– В общем, скитался Белоснеж по лесу, пока не набрёл на домик семи гномих. Был он голоден и дрожал от холода, поэтому недолго думая, влез в окно и поев из гномьих запасов, закутался в одеяло и заснул на кровати одной из них.

Тут внезапно, боярыня приостановилась.

– Что? – поинтересовался я.

– Да тут такое дело, – смущённо произнесла та, для детей сказку немного облагородили, убрали кое какие моменты. Тебе какой вариант, исправленный или оригинал?

– Оригинал давай, – махнул рукой я.

– Ну, в общем, придя домой и увидев такого красивого мальчика, прилегшего на их кровати, они все вместе его, в общем...

– Трахнули, – подсказал я, чуть замаявшейся подруге, – ты не стесняйся, я в обморок от слов: трахнуться, перепихнуться, дикая мамба, не падаю.

– Ну если грубо, – согласилась она, – то да, все всемером его прямо там. А потом стали с ним вместе жить.

Дальше, в принципе, было всё тоже самое. Козни злобного короля, смерть от отравленного яблочка и гроб хрустальный, в котором Белоснеж беспробудным сном и заснул. Ну

а там, как водится, вдруг откуда ни возьмись, появился... принцесса на коне. Гроб варварски вскрыла, давай юного и невинного мальчика всяко гладить жалеючи, глядь, а у парня-то встал. Значит не помер, а околдован. Ну принцесса его прямо там в гробу быстро и расколдовала.

– Яд, что-ли, отсосала? – встрепенулся я, – яблочко отравленное же было.

– Не уточняется, – буркнула Руслана а затем заржала в голос. Отсмеявшись, буркнула, – видно, что ты в академии поучился, смотрю, шуточки казарменные у тебя хорошо получаются.

– Академия... – протянул я вслед за ней, разом мрачней, вспоминая свой эпичный фэйл с попыткой стать офицером.

– Не переживай, Петя, – погладила меня по голове боярыня, – в доспехе тебе и так нет равных, а строем ходить – это не твоё. К тому же твоё выступление на чемпионате по шарострелу до сих пор забыть не могут.

– Меня переполняли эмоции, – буркнул я. То что я там творил, не выдерживало никакой критики. Расстрел своей команды, даже мною, сейчас, воспринимался очень неоднозначно. А уж остальными...

– Да уж. Дал ты там Петы, так дал. Больше столько на свой счет убитых записать уже никому не получится. По новым правилам, участник команды сознательно открывший стрельбу по своим, тут же дисквалифицируется. Впрочем, ты еще и единственным мужчиной участвовавшим и победив-

шим в командном бою останешься.

– Почему?

– Потому, Петя, что после твоей выходки, также добавили правило о запрете участия мужчин в соревнованиях. Так что ты был первым и единственным. Но свою строчку в истории соревнований оставил. Можешь гордиться.

– Чем, – буркнул я опустившимся голосом, – тем что похерил парням возможность попасть в большой спорт?

– Ой, да брось, – рассмеялась боярыня, – какой большой спорт. Ты думаешь кроме тебя кто-то из парней бы рвался участвовать? Просто это ты у нас Петя очень своеобразный юноша, боевой, – она согнула мою руку в локте – вон какой бицепс, – а остальные так. Не переживай, эти правила ни на что не повлияли.

– Да, кстати, – тут Руслана улыбку убрала и уже серьезно добавила, – с этим покушением и изучив всё что с тобой происходило в академии, приём для мужчин туда закрыли тоже, так что ты и там единственный и неповторимый.

А я только вздохнул, понимая, что стал каким-то антипримером мужчины в армии, только укрепив мнение, что там мужчинам не место.

* * *

Вечером у нас был ужин в кругу семьи, так сказать.

Первым делом я познакомил Златолесскую с моими ново-

обретёнными “родителями”.

– Мама, отец, – позвольте представить, боярыня Златолесская, чьим фаворитом и воей я являюсь.

– Елена Владимировна, Алексей Александрович, – поклонилась та.

– Давайте по имени, Руслана, – улыбнувшись, княгиня показала рукой за накрытый стол, – и поужинаем заодно. Не стесняйтесь, вы у нас почти член семьи, как никак ваша дочь наша внучка. Как она, кстати, поживает?

– Всё хорошо, Елена, – ответила Златолесская легкой улыбкой. Попыталась помочь мне со стулом, но я гордо и независимо помощь отринул, садясь и задвигая за собой стул сам. – София на попечении кормилицы и верных слуг. Сейчас подбираю кандидатуру ей в тётки, официру или прапорщицу с десанта. У девочки очень хороший потенциал, нужно с детства учить владению силой.

– Это же у вас вторая? – поинтересовался князь.

– Да, но у старшей потенциал меньше, поэтому дожёмся когда у обеих дар в полную силу войдет, тогда и определю наследницу.

– Это правильно, – одобрительно кивнула княгиня Елена, – род должен усиливаться, это самое главное.

Затем мы отвлеклись на приготовленное поварами поместья, а затем, перейдя в малую гостиную, вновь заговорили о делах семейных.

Дождавшись когда Златолесская расположится на диван-

чике, я сел рядом и демонстративно положил свою ладонь ей на бедро и уже затем посмотрел на новую родню.

– Петя, – вальяжно махнув ладонью, княгиня произнесла, – можешь такие жесты не демонстрировать, мы прекрасно понимаем, что вас связывало и связывает с Русланой.

– Елена, а вы в курсе идеи Петра? – поинтересовалась у той боярыня.

– Это где он про мужитьбу всех семи на нем одном? – включился замерший у книжного шкафа и по обыкновению опершийся локтем о полку князь Алексей.

– Да.

– В курсе, – кивнула княгиня.

– Тогда у меня вопрос, императрица действительно пойдет на такой шаг? Действительно даст разрешение на подобный брак? Это же, идет в разрез всему.

Покрутив пальцами бокал, не спеша с ответом, княгиня сначала посмотрела на мужа, затем на меня, потом вновь на боярыню. Произнесла неторопливо, – Видите-ли, Руслана, тут ситуация весьма неоднозначная. Брак с вами определенно введёт Петра к вам в род на правах мужа и будет Петр Алексеевич уже не Романовым, а Златолесским. Но тогда остается вопрос в остальных его детях. Мы тоже не можем оставить их в непонятном подвешенном состоянии, нас просто не поймут. Как-никак отпрыски императорской фамилии. Но и делить мужа боярыне с простолюдинками никак не совместно, ни вы, ни другие рода такого не поймут, урон

чести. И поэтому, к сожалению, официальный брак с вами поставит крест на этой затее.

– Но... – подорвался было я и опустилс я вновь, удержанный крепкой рукой Русланы. Взглянул в её серьезные глаза и молча принялся слушать “маман” дальше.

– Но статус вашего фаворита никто забрать не сможет, поэтому, неким образом, право, так сказать, на доступ к телу, уж извини, Петя, – улыбнулась мне княгиня, – у вас останется. А вот уже с остальными девочками, – голос княгини приобрёл задумчивость, – такой финт мы провести сможем, благородных среди них нет.

Наступила долгая пауза, а я, посмотрев на глубоко задумавшуюся Руслану, заёрзал от нетерпения на месте. Все эти дворянские заморочки мне были по боку, мне был важен результат и он, сейчас, как я понимаю, напрямую зависел от решения боярыни.

Подняв, наконец, голову, та взглянула на княгиню и негромко вымолвила, – Прецедентов, как я понимаю, не было. – Дождалась кивка Елены, продолжила, – всё это всё равно может вызвать большой шум и ударить по репутации.

– Мы понимаем, – вновь переглянулась княгиня с князем, – поэтому сделаем несколько предварительных шагов.

* * *

Интервью? Какое интервью? На каком ещё телевидение? –

эти фразы до сих пор крутились у меня в голове, хотя прошло уже пару дней с приснопамятного разговора, а я сам, одетый в деловой костюм, подъезжал к Останкино, для участия в телевизионном ток-шоу.

Общественное мнение. Как много в этом слове. Или это словосочетание? В общем, не важно. Короче, не смотря на весь мой статус, общество к моему будущему многоженству надо было подготовить. Создать, так сказать, некоторый дрейф в сознании людей в сторону смены вектора традиционной морали... Не я сказал, но так, если по простому, то надо приучить людей к некоторой моей раскрепощенности в плане семьи. Вот поэтому меня и отправили, понятное дело, предварительно всё согласовав и подготовив, на популярнейшее шоу местного Первого канала – Вечерняя Москва с Иванной Унтгар.

Списочек вопросов мне накидали заранее, и мы тщательно прошлись по ответам, чтобы не было неожиданностей. Заодно строго определили, что говорить можно, что нет. Под запрет попало много чего, но всё касалось или так и не закрытых уголовных дело по нападению на вотчину Златолесской, или эксцессов в академии. В остальном же мне рекомендовалось говорить искренне и не стесняться. Смешные. Чтобы я, да ещё стеснялся. Правда тут меня будет видеть полстраны, шоу то в самый прайм-тайм выходит. Ну ладно, как-нибудь справлюсь.

Поправив галстук, я дождался, когда мне откроют дверь

и, задрав голову, всмотрелся в гигантский шпиль Останкинской телебашни нависающий прямо надо мной. Пробормотал, – А мысли все о шпиль, шпиль-вилли... – после чего, сопровождаемый охраной, прошел внутрь телецентра. Пора было взорвать местное традиционное сообщество.

* * *

Встреча Семёна Семёновича Горбункова с руководителем Екатеринбургской подпольной ячейки мужского сопротивления Андреем Валентиновичем Шитцем проходила в дружеской, но не слишком тёплой атмосфере.

А всё потому, что объект беседы вызывал у одного из главных подпольщиков легкую головную боль.

Оба мужчины, в лёгких шортах и майках сидели на краю заброшенного пирса и занимались тем, что периодически забрасывали в плещущее под ногами море удочки.

– По нашей информации, мальчик очнулся и сейчас живёт в родовом поместье родителей. И весьма неплохо себя чувствует после покушения и комы. Думаю, потихоньку надо начинать работу с ним.

– Андрей Валентинович, какая работа, – хмуро буркнул Горбунков, в очередной раз проверяя наживку на крючке, – ваш кандидат, извините за это слово, обосрался где только мог. Учёба в академии, соревнование по шарострелу, области, в которых он выступал как первый мужчина, первопро-

ходец. И результат? Всё, лишний раз убедились, что мужчин туда пускать нельзя. Моё мнение прежнее, надо его обрабатывать, вербовать и за рычаги доспеха, пусть помогает ликвидировать все эти благородные рода. По крайней мере ругать доспехом у него получается лучше, чем всем остальным.

– Вы не правы, Семён Семёныч, – возразил Шитц, – вытерев аккуратно платочком стекающий по лбу из под панамки пот, – да, у нашего Петра были неудачи, мальчик просто по своим психо-физическим параметрам не подошел армейской системе, но это не делает его плохим.

– Это делает его бесполезным, – рыкнул Горбунков, пытаюсь подсесть заигравшую поплавок рыбу, – эх, сорвалась. – Поправив наживку, он закинул удочку вновь.

– Ничуть, – поджал губы Шитц, – просто надо работать в другом направлении.

– Это каком же?

– В изменении социального восприятия мужчины, его роли.

– И всё?

– Ну почему же, – Андрей Валентинович даже слегка обиделся, – во первых, как я уже говорил, само по себе объявление Петра тем самым пропавшим великим князем дало нам сильнейший козырь в руки. Наши правозащитные организации больше полугода везде и всюду пробивают в сознание людей мысль, что часть этих невольников, попадающих кто в

наложники, а кто в бордель, могут оказаться их же собственными, пропавшими без вести сыновьями и мужьями. Только за прошлый год, по России без вести пропало почти десять тысяч мужчин, это тех кого не нашли. Мысль о том, что они могут томиться в борделях или чьём-то гареме, для родных и близких пропавших – нестерпима. И эффекты уже есть, – похвастался Шитц.

– Эффекты, – проворчал Горубунков, – подсекай скорее, не видишь, клюёт!

Вздвогнув и поспешно дёрнув, к сожалению резче чем надо, тот полюбовался на вылетевшую в воздух леску с блеснувшим на конце голым крючком, и со вздохом полез за следующим опарышем.

– И всё-таки, эффекты, – добавил он спустя минуту, – в одном из борделей, которые активисты проверили, одного из пропавших сумели опознать. Парню было двадцать четыре и три долгих года он провел ублажая женщин, с полностью почищенной памятью и новым именем, не зная кто он на самом деле и откуда. Под это дело несколько точек смогли закрыть и раскачиваем волну, на такие акции по всей стране. И всё благодаря Петру. Так что нет, он не бесполезен, уважаемый Семён Семёныч, дайте только немного времени и уверен, он вас приятно удивит.

– Ну посмотрим, – буркнул не убежденный словами старого товарища Горбунков и вновь потянулся за удилицем.

Глава 7

– Вы на шоу “Вечерняя Москва” и с вами я ведущая Иванна Зайцева.

Я посмотрел сквозь щелку кулис на стоявшую перед залом со зрителями даму в деловом костюме, высокую, метр девяносто точно, с не длинными, слегка хаотично уложенными волосами, потом на сам зал, прикинул, человек под сто, точно. И по ощущениям, мужчин среди зрителей было больше, хотя может это только показалось.

Сама студия была весьма приличной по размеру, с большим угловым столом для ведущей, гостевыми креслом и диваном, на невысоком подиуме и стоявшей чуть в стороне, тумбой соведущей, которая у Ивановны была на таком, своего рода, подхвате, вставляя в нужные моменты различные реплики, с юмористическим содержанием. Звали соведущую Диана Стеклова и был она невысокой даже по моим меркам девушкой с роскошной гривой длинных рыжих волос.

Откуда я это знаю? Ну так подготовился заранее, посмотрел пару выпусков, чтобы понимать в каком формате всё это шоу ведётся. Не попасть, так сказать, впросак.

Иванна в это время выдала короткий спич по местным новостям, вызвав дружный хорошо отрететированный смех, а затем, подойдя чуть ближе к выходу из-за кулис, объявила, – Сегодня, госпожи и господа, у нас особенный гость. Его уди-

вительная история всколыхнула всю страну каких-то полгода назад. Несмотря на такой юный возраст, юноше нет ещё и двадцати, он прошел через похищение, стирание памяти, гарем в боярском роду. Смог стать фаворитом, а затем и воей, поступив в престижнейшее военно-учебное заведение. Его выступление на чемпионате по шарострелу, единственного мужчины, каким бы оно ни было спорным, будут помнить ещё очень долго. – Иванна сделала небольшую паузу, оглядывая притихшую аудиторию, а затем, вытянув в сторону кулис левую руку, возвестила, – Великий князь Пётр Алексеевич Романов!

Толстые портьеры мгновенно разошлись в стороны и с приклеенной на лице улыбкой я поднял в приветствии руку и шагнул навстречу ведущей.

– Пётр Алексеевич, – произнесла та снова, чуть склонившись и бережно приняв в свою ладонь протянутую мною руку, – пройдемте на диван, там вам будет удобнее.

– Да, конечно, – я кивнул и ведомый Зайцевой прошел на помост. По дороге поручкался с подбежавшей и выразившей восторг от моего появления Дианой, а затем плюхнулся в кресло и посмотрел на садящуюся за стол девушку.

– Во первых, – произнесла та, стоило ей занять родное кресло, – позвольте выразить глубочайшую радость от того, что вы выздоровели и эта история с покушением на вас так благополучно разрешилась.

– Ну, относительно благополучно, – слегка улыбнулся я,

кивая головой. Заранее было оговорено, что сильно всей этой теме с покушением мы не касаемся, так как следствие ещё идет, да телепередача не “Женщина и закон”, где, собственно, тема преступлений является основной.

Поэтому почти без паузы Зайцева поинтересовалась, – Пётр Алексеевич, известие о том, что вы на самом деле великий князь, как на вас повлияло? Это была сенсация для нас, простых людей, но что почувствовали именно вы?

– Что почувствовал я? – хмыкнув, оглядел аудиторию, сказал задумчиво, – наверное, в первую очередь растерянность. Не забывайте, память моя была стерта и я совершенно не помнил никого и ничего.

– А что говорят врачи? Есть шанс что вы вспомните? – поинтересовалась Иванна.

– Нет, – качнул я головой в притворном огорчении, – придется мне знакомиться со всеми заново.

По аудитории пронесся жалостливый вздох, и ведущая, придав лице скорбное выражение, покачала головой.

– Ладно, не будем о грустном, – ведущая подмигнула мне, – у нас всё-таки развлекательная программа, а не “Пусть помолчат” с Ганибаллой Ягнятовой, поэтому, Пётр Алексеевич, как человек испытавший на себе, что такое быть наложником в гареме, назовём своими именами этот пережиток прошлого, и сумевший подняться до статуса фаворита, расскажите, приоткройте, так сказать, тайну внутренних отношений в боярском роду.

А вот это вопрос был уже весьма острый. И тут было главным не подставить ненароком Руслану, не смотря на то, что своё согласие, на обнародование этих сведений она дала ещё великой княгине.

– Ну, – поудобнее устроился я, закидывая ногу на ногу, – сразу скажу, мне в гареме нравилось.

По аудитории вновь пронёсся легкий недоумевающий вздох, а Иванна поджала губки, демонстрируя, что мой ответ пришелся не совсем в кассу требуемой повестки. Согласно выданных рекомендаций, гаремы следовало характеризовать в негативном ключе.

– Но чем? – поднял я палец вверх, вновь акцентируя на себе внимание, – Тем, что там у меня была возможность заниматься сексом с большим количеством женщин. Да, – я развел руками перед аудиторией, – я люблю секс и этого совершенно не стыжусь.

Хм, пожалуй такого откровения, ещё и сходу, от меня не ожидали. Даже ведущая и то чуть замешкалась, пытаясь сообразить какой следующий задать вопрос, а я, меж тем, начал наращивать воздействие, подвод к той теме которую действительно хотел поднять, – Да, секс. Я понимаю, что в обществе о нем говорят, стыдливо пряча глаза. Ведь это такое, мнэ-э, мнэ-э, – я чуть задумался, подбирая нужное слово, – таинство, происходящее между мужчиной и женщиной, что как о нем сказать во всеуслышание? Но говорить надо! Потому что гаремы, это последствия вот этого стыдливого за-

малчивания той действительности, что нас сейчас окружает! – последние слова я почти выкрикнул, стукнув кулаком по подлокотнику.

– Почему гаремы процветают, а девушки стремятся попасть в услужение благородным родам? Думаете потому, что это престижно и почётно? – я даже слегка взъярился, выкрикивая это, – Нет, нет и ещё раз нет! Потому что они хотят трахаться! И больше ничего.

Вы бы видели ту бурю, какая в этот момент разразилась на зрительских рядах. Иванне потребовалось несколько минут бегать из конца студии в конец, прежде чем вновь наступила относительная тишина.

– Пётр Алексеевич, – переведя дух и плюхнувшись обратно в кресло, заявила она, – вы, конечно, умеете расшевелить аудиторию, – представляю, что сейчас твориться за экранами телевизоров.

– Я просто говорю правду, – улыбнулся я, – так сказать, голую. Гаремы пережиток прошлого, но именно там любая девушка находящаяся в услужении рода, может хоть раз в месяц но попробовать крепкого мужского...

– Пётр Алексеевич! – подорвалась, пулей выскакивая с кресла, Иванна, – давайте без уточнений. Уверена все и так поняли вашу мысль.

– Ну хорошо, – кивнул я, – но думаю всем понятно, что при таком соотношении мужчин и женщин как у нас в стране, просто невозможно дать каждой женщине по мужчине. И

этим пользуются благородные рода. Ах да, – я покивал сам себе, – есть же ещё публичные дома, которыми могут пользоваться все, – я слегка прищурившись, посмотрел на Зайцеву, – вот только если гаремы это пережиток прошлого, то бордели это и вовсе какое-то средневековье с самым натуральным рабством.

– Вы правы, Пётр Алексеевич, – включилась тут же в беседу ведущая, – и кампания по закрытию публичных домов уже вовсю идёт, в том числе и благодаря вашему случаю.

– Вот только, – перебил её я, – борясь со следствиями, мы не решим проблему. И на месте официальных борделей вырастут подпольные, где всё будет ещё хуже. Нет, решать надо причину.

– И как? – посмотрела на меня внимательно Иванна.

– Очень просто, – ответил я, – официально разрешить мужчинам встречаться не с одной а с несколькими женщинами сразу.

Часть аудитории зашумела, но в большинстве своём её женская половина, мужская задумалась, а я начал инициативу развивать.

– Вот посмотрите на примере гарема, – есть некая социальная единица – род. Где, к примеру, на сто женщин приходится десять мужчин. И все эти сто женщин пользуются этими десятью мужчинами на регулярной основе. Женщин такое устраивает? Устраивает. Но есть нюанс. Это не устраивает мужчин. Но не потому, что там сто женщин, а потому,

что ими пользуются без их согласия.

Тут кто-то из аудитории женским голосом выкрикнул, – Так они сами не захотят.

– Кто сказал?! – я поднялся с кресла, – сразу говорю, вы – женщины, ни черта не понимаете в мужиках. Чтобы мужик и не захотел? Да нормальный мужик, если ему дать свободу и чуть-чуть уверенности в себе, будет трахать всё что движется!

Присев обратно, терпеливо подождал, когда вновь уляжется шум.

– Мда, Пётр Алексеевич, – Зайцева отпила из кружки, посмотрела на меня, – такой бурной реакции зрителей мы давно не видели. Но как быть с тем, что все наши женщины жуткие собственницы? Кто же захочет делить мужчину с другой?

– Собственницы? – поднял я бровь, – а как быть с тем, что в таком случае общество окажется разделено на две неравные части, двадцать процентов собственниц с мужьями и восемьдесят процентов собственниц вынужденных заниматься самоудовлетворением? Я уже не говорю про детей или вы хотите осчастливливать эти восемьдесят процентов пипетками из банок спермы?

И вновь шум и гам среди толпы, теперь в основном женской части.

– Диана, ты как? – поинтересовалась Иванна у соведущей, что стоя за тумбой, всё это время глазела на меня.

– Я в шоке, – произнесла та, – но с тобой, – она придала голосу интимные нотки, – я бы, пожалуй, какого-нибудь незнакомого парня разделила.

– Осталось только найти незнакомого парня, – улыбнулась Зайцева.

– Я незнакомый парень! И я! И я! – раздалось сразу несколько мужских голосов с галёрки, введя ведущих сначала в ступор, а затем, в ржач, которым они прикрыли лёгкое смущение.

– Вот видите! – ткнул я пальцем в ту сторону, – есть такие, есть! И это просто остальные еще находятся в оковах устаревшей морали. Просто не надо заставлять. Если вы понравитесь парню, он легко переспит не только с вами, но и с вашей лучшей подругой. И даже не одной. Пусть не сразу, но ему вполне по силам обеспечивать качественным сексом пять-десять женщин, в том числе сожительствуя с ними на постоянной основе.

О да, я долго думал, как решить проблему с перекосом населения, в том числе и помня всё, что со мной происходило в том коматозном, но таком реальном сне. И вот это моё такое эмоциональное решение женится сразу на всех девушках беременных от меня, сейчас представлялось реальной панацеей для всего общества. Главное осталось показать пример. Личный, естественно. Одними разговорами сексуальную революцию не устроишь.

Кстати, мне даже показалось, что моя теперешняя “мать”,

к желанию вот тут в прямом эфире все свои мысли озвучить, меня даже подталкивала. Ненавязчиво, не впрямую, но явно добивалась вот такой откровенности. Впрочем, она же сестра императрицы, а главу государства вопросы социальной стабильности населения должны заботить в первую очередь. Не удивлюсь, что все мои идеи прошли одобрение там наверху. И это меня раззадоривало ещё больше.

– Ну а вы, Пётр Алексеевич, – вновь обратилась ко мне Иванна, – сами-то готовы встречаться с несколькими девушками сразу?

– Не просто готов, – я вновь улыбнулся, – скажу больше шесть девушек вот буквально скоро родят от меня детей.

Слитный вздох удивления пролетел по студии, впечатлив даже Зайцеву.

– Это очень необычно, – произнесла она осторожно.

– И для меня тоже, – признал я, – но, скажу честно, даже без этого я готов был предложить им совместное проживание. Ну а теперь, как говорится, сама богиня велела. Я и брак планирую со всеми ними одновременно.

Мда, про брак это я опрометчиво сказал. Вновь аудитория разделилась на два лагеря: женский – удивлённо-негодующий и мужской – удивлённо-восхищённый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.